

ВОСТОЧНО ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106

#09(106), 2024 часть 1

Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)

Журнал зарегистрирован и издается в России

В журнале публикуются статьи по всем научным направлениям.

Журнал издается на русском, английском и польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - A4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский технологический университет имени Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский университет)

Бартош Высоцкий (Институт международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский университет)

#09(106), 2024 part 1

Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)

The journal is registered and published in Russia

The journal publishes articles on all scientific areas.

The journal is published in Russian, English and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Климек (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dziedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

<i>Saidzoda I.M., Naimov N.M.</i> MATHEMATICAL ANALYSIS OF THE HONEYBEE COLONY BASED ON SEXUAL CHARACTERISTICS	4
<i>Джанибеков В.А., Сапогин В.Г., Сапогин К.В.</i> ПРИНЦИП ДЛИТЕЛЬНОГО ВРАЩЕНИЯ <i>PERPETUM MOBILE</i>	9

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

<i>Salmin R.M.</i> COLON POLYPS: DISTRIBUTION OF PATIENTS BY AGE, GENDER AND PLACE OF RESIDENCE (BELARUS, GRODNO REGION, 2024)	13
<i>Salmin R.M.</i> HISTOLOGICAL CHARACTERISTICS OF COLON POLYPS IN PATIENTS OF GRODNO REGION IN 2024 (BELARUS)....	15
<i>Salmin R.M.</i> DISTRIBUTION OF COLON POLYPS BY LOCALIZATION DEPENDING ON THE AGE OF PATIENTS (BELARUS, GRODNO REGION, 2024).....	17

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

<i>Kudenov T.M.</i> THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN SELF-DEVELOPMENT AND EFFECTIVE APPLICATION METHODS	20
<i>Андреев Вит.В., Андреев Вл.В., Ваняшкина А.Ю.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СПОРТСМЕНА-ПОБЕДИТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ТАНЦЕВАЛЬНОГО СПОРТА)	21
<i>Маликова М.Г.</i> РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: РОЛЬ ТЕЛЕГРАМ-БОТОВ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ	27
<i>Salimova L.K.</i> ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ ЗА ГЕНОЦИД В НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДАХ	29
<i>Узакова Ш.Б.</i> РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ФАКУЛЬТЕТОВ ЖУРНАЛИСТИКИ ВУЗОВ УЗБЕКИСТАНА.....	37
<i>Маматжан уулу Мелис</i> ЭГЕМЕНДУЛУК ЖЫЛДАРЫНДАГЫ ЖАШТАР ЖАНА МИГРАНТТАР ПОЭЗИЯСЫНА САРЕСЕП	45

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Saidzoda Isroil Mahmad,

Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan.

Department Informatic-programmist, TPI in Rasht district, Republic of Tajikistan

Naimov Nurullo Mahmaddulloevich

Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan.

Department Informatic-programmist, TPI in Rasht district, Republic of Tajikistan

MATHEMATICAL ANALYSIS OF THE HONEYBEE COLONY BASED ON SEXUAL CHARACTERISTICS

Саидзода Исроил Махмад

номзади илмҳои техникӣ, мудири кафедраи информатикаи Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Саидзода Исроил Махмад

кандидат технических наук, заведующий кафедрой информатики

Таджикского национального университета

Summary: In the article, using the method of mathematical modeling, the stages of life of a bee colony are studied.

Based on a mathematical model, which is a system of 10 linear ordinary differential equations with initial conditions, the instantaneous rate of change in the number of bees in a colony is analyzed. The processes of growth and death are described in the form of mathematical dependencies, and the mechanism of their transition from one life stage to another is established.

The system of differential equations is completely solved analytically, and the necessary conditions are identified, the fulfillment of which is mandatory for determining the values of the model coefficients. Despite the significance of the problem, to date, there have been relatively few studies in the field of mathematical analysis and in-depth investigation of this issue, making this research particularly important.

Keywords: mathematical modeling, system of differential equations, honey bee colony, life stage, sexual characteristics, group division, queen bee, worker bee, drone bee.

Research Objective: To establish a mathematical mechanism for describing the processes of growth, mortality, and transitions between different life stages of a honey bee colony through the analysis of a system of linear ordinary differential equations. This research also aims to identify the necessary conditions for determining the coefficients of the proposed model and to provide a scientific basis for a deeper understanding of the dynamics of a honey bee colony's life.

In our previous studies [6; 14], we conceptually, mathematically, and computationally examined and reviewed the developmental stages of the honeybee

colony, the classification of its life stages, and the sexual characteristics of the colony.

During the development of the computational model, it is essential to adhere to certain proportionalities and necessary conditions when identifying and verifying the model coefficients. This requires solving the mathematical model analytically and in a stationary form.

The mathematical model considered in studies [7; 15] takes the form of the system of equations represented in in (1).

$$\left\{ \begin{aligned} \frac{dE_1}{dt} &= \delta_{11}k_1E_m(t) - \delta_{12}E_1(t) - \mu_{11}E_1(t) \\ \frac{dE_2}{dt} &= \delta_{21}k_2E_m(t) - \delta_{22}E_2(t) - \mu_{21}E_2(t) \\ \frac{dK_1}{dt} &= \delta_{12}E_1(t) - \delta_{13}K_1(t) - \mu_{12}K_1(t) \\ \frac{dK_2}{dt} &= \delta_{22}E_2(t) - \delta_{23}K_2(t) - \mu_{22}K_2(t) \\ \frac{dP_1}{dt} &= \delta_{13}K_1(t) - \delta_{14}P_1(t) - \mu_{13}P_1(t) \\ \frac{dP_2}{dt} &= \delta_{23}K_2(t) - \delta_{24}P_2(t) - \mu_{23}P_2(t) \\ \frac{dZ_1}{dt} &= \delta_{14}P_1(t) - \delta_{15}Z_1(t) - \mu_{14}Z_1(t) \\ \frac{dZ_2}{dt} &= \delta_{24}P_2(t) - \delta_{25}Z_2(t) - \mu_{24}Z_2(t) \\ \frac{dM_1}{dt} &= \delta_{15}Z_1(t) - \mu_{15}M_1(t) \\ \frac{dM_2}{dt} &= \delta_{25}Z_2(t) - \mu_{25}M_2(t) \end{aligned} \right. \quad (1)$$

The foundation of the mathematical model (1) is a system of 10 linear ordinary differential equations with initial conditions:

$$E_{i0} = E(t_{0E_i}), K_{i0} = K(t_{0K_i}), P_{i0} = P(t_{0P_i}), Z_{i0} = Z(t_{0Z_i}), M_{i0} = M(t_{0M_i}), i = 1, 2.$$

In the system (1), the following variables are used: $E_1(t)$ – the number of eggs from which worker bees emerge, $E_2(t)$ – the number of eggs from which drone bees emerge, $K_1(t)$ – the number of worker bee larvae, $K_2(t)$ – the number of drone larvae, $P_1(t)$ – the number of pre-mating worker bee individuals, $P_2(t)$ – the number of pre-mating drone bee individuals, $Z_1(t)$ – the number of worker bee queens, $Z_2(t)$ – the number of drone bee queens, $M_1(t)$ – the number of adult worker bees, and $M_2(t)$ – the number of adult drone bees. Additionally, μ_{ij} ($i = 1, 2; j = 1, 2, 3, 4, 5$) represents the natural mortality coefficients of individuals from gender groups, and δ_{ij} ($i = 1, 2; j = 1, 2, 3, 4, 5$) represents the coefficients (or fractions) of individuals transitioning from one life stage to another [14; 15].

Using the well-known Malthus model and the empirical formula of V. Ricker, who conducted experiments in 1954 to calculate the dynamics of population changes of Columbia Lake trout [7; 11, 13], the process of egg production in the queen bee is described in the mathematical model (1) as the following function:

$$E_m(t) = k\alpha E_0 e^{\beta t},$$

$$k = k_1 + k_2 = 1 \quad (k_1 = 0,98; k_2 = 0,02),$$

where E_0 – represents the initial quantity of eggs laid by the queen bee, and the coefficients α and β are determined experimentally.

Due to the linearity of the system of differential equations (1), in the second stage of the research, we proceed to find its analytical solution. To do this, we consider each equation of the system separately. For the first equation of system (1), we apply the following transformations:

$$\frac{dE_1}{dt} = \delta_{11}k_1E_m(t) - \delta_{12}E_1(t) - \mu_{11}E_1(t);$$

$$\frac{dE_1}{dt} = \delta_{11}k_1\alpha E_0 e^{\beta t} - \delta_{12}E_1(t) - \mu_{11}E_1(t);$$

$$\frac{dE_1}{dt} + (\delta_{12} + \mu_{11})E_1(t) = \delta_{11}k_1\alpha E_0 e^{\beta t}.$$

Now, the solution of the first equation is found in the following form:

$$E_1(t) = E_{1,0}e^{-(\delta_{12}+\mu_{11})t} + \frac{\delta_{11}k_1\alpha E_0 e^{\beta t}}{\delta_{12} + \mu_{11} + \beta}. \quad (1^*)$$

For the second equation of the system (1), we similarly apply the corresponding transformations and obtain:

$$\frac{dE_2}{dt} = \delta_{21}k_2\alpha E_0 e^{\beta t} - \delta_{22}E_2(t) - \mu_{21}E_2(t);$$

$$\frac{dE_2}{dt} + (\delta_{22} + \mu_{21})E_2(t) = \delta_{21}k_2\alpha E_0 e^{\beta t};$$

$$E_2(t) = E_{2,0}e^{-(\delta_{22}+\mu_{21})t} + \frac{\delta_{21}k_2\alpha E_0 e^{\beta t}}{\delta_{22} + \mu_{21} + \beta}. \quad (2^*)$$

Now, by substituting the obtained solutions (1*) and (2*) of the first and second equations into the third and fourth equations of the system, we sequentially find their solutions:

$$\frac{dK_1}{dt} + (\delta_{13} + \mu_{12})K_1(t) = \delta_{12} \left[E_{1,0}e^{-(\delta_{12}+\mu_{11})t} + \frac{\delta_{11}k_1\alpha E_0 e^{\beta t}}{\delta_{12} + \mu_{11} + \beta} \right];$$

$$K_1(t) = K_{1,0}e^{-(\delta_{13}+\mu_{12})t} + \frac{\delta_{12}E_{1,0}}{(\delta_{13} + \mu_{12} - \delta_{12} - \mu_{11})} e^{-(\delta_{12}+\mu_{11})t} + \frac{\delta_{11}\delta_{12}k_1\alpha E_0}{(\delta_{12} + \mu_{11} + \beta)(\delta_{13} + \mu_{12} + \beta)} e^{\beta t}, \quad (3^*)$$

$$\frac{dK_2}{dt} + (\delta_{23} + \mu_{22})K_2(t) = \delta_{22} \left[E_{2,0}e^{-(\delta_{22}+\mu_{21})t} + \frac{\delta_{21}k_2\alpha E_0 e^{\beta t}}{\delta_{22} + \mu_{21} + \beta} \right];$$

$$K_2(t) = K_{2,0}e^{-(\delta_{23}+\mu_{22})t} + \frac{\delta_{22}E_{2,0}}{(\delta_{23} + \mu_{22} - \delta_{22} - \mu_{21})} e^{-(\delta_{22}+\mu_{21})t} + \frac{\delta_{21}\delta_{22}k_2\alpha E_0}{(\delta_{22} + \mu_{21} + \beta)(\delta_{23} + \mu_{22} + \beta)} e^{\beta t}. \quad (4^*)$$

This algorithm is applied to find the solutions of the fifth and sixth equations of the system (1), i.e., by substituting the obtained solutions (3*) and (4*) into the corresponding subsequent equations, we sequentially find their solutions:

$$\frac{dP_1}{dt} + (\delta_{14} + \mu_{13})P_1(t) = \delta_{13} \left[K_{1,0}e^{-(\delta_{13}+\mu_{12})t} + \frac{\delta_{12}E_{1,0}}{(\delta_{13} + \mu_{12} - \delta_{12} - \mu_{11})} e^{-(\delta_{12}+\mu_{11})t} + \frac{\delta_{11}\delta_{12}k_1\alpha E_0}{(\delta_{12} + \mu_{11} + \beta)(\delta_{13} + \mu_{12} + \beta)} e^{\beta t} \right];$$

$$P_1(t) = P_{1,0}e^{-(\delta_{14}+\mu_{13})t} + \frac{\delta_{13}K_{1,0}}{(\delta_{14} + \mu_{13} - \delta_{13} - \mu_{12})} e^{-(\delta_{13}+\mu_{12})t} + \frac{\delta_{12}\delta_{13}E_{1,0}}{(\delta_{14} + \mu_{13} - \delta_{12} - \mu_{11})(\delta_{13} + \mu_{12} - \delta_{12} - \mu_{11})} e^{-(\delta_{12}+\mu_{11})t} + \frac{\delta_{11}\delta_{12}\delta_{13}k_1\alpha E_0}{(\delta_{12} + \mu_{11} + \beta)(\delta_{13} + \mu_{12} + \beta)(\delta_{14} + \mu_{13} + \beta)} e^{\beta t}, \quad (5^*)$$

$$\frac{dP_2}{dt} + (\delta_{24} + \mu_{23})P_2(t) = \delta_{23} \left[K_{2,0}e^{-(\delta_{23}+\mu_{22})t} + \frac{\delta_{22}E_{2,0}}{(\delta_{23} + \mu_{22} - \delta_{22} - \mu_{21})} e^{-(\delta_{22}+\mu_{21})t} + \frac{\delta_{21}\delta_{22}k_2\alpha E_0}{(\delta_{22} + \mu_{21} + \beta)(\delta_{23} + \mu_{22} + \beta)} e^{\beta t} \right];$$

$$P_2(t) = P_{2,0}e^{-(\delta_{24}+\mu_{23})t} + \frac{\delta_{23}K_{2,0}}{(\delta_{24} + \mu_{23} - \delta_{23} - \mu_{22})} e^{-(\delta_{23}+\mu_{22})t} + \frac{\delta_{22}\delta_{23}E_{2,0}}{(\delta_{24} + \mu_{23} - \delta_{22} - \mu_{21})(\delta_{23} + \mu_{22} - \delta_{22} - \mu_{21})} e^{-(\delta_{22}+\mu_{21})t} + \frac{\delta_{21}\delta_{22}\delta_{23}k_2\alpha E_0}{(\delta_{22} + \mu_{21} + \beta)(\delta_{23} + \mu_{22} + \beta)(\delta_{24} + \mu_{23} + \beta)} e^{\beta t}. \quad (6^*)$$

Continuing the application of this algorithm, we obtain the solutions of the seventh and eighth equations of the system (1):

$$\frac{dZ_1}{dt} + (\delta_{15} + \mu_{14})Z_1(t) = \delta_{14} \left[\frac{P_{1,0}e^{-(\delta_{14}+\mu_{13})t} + \frac{\delta_{13}K_{1,0}}{(\delta_{14} + \mu_{13} - \delta_{13} - \mu_{12})}e^{-(\delta_{13}+\mu_{12})t} + \frac{\delta_{13}\delta_{14}K_{1,0}}{(\delta_{14} + \mu_{13} - \delta_{13} - \mu_{12})(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{13} - \mu_{12})}e^{-(\delta_{13}+\mu_{12})t} + \frac{\delta_{12}\delta_{13}E_{1,0}}{(\delta_{13} + \mu_{12} - \delta_{12} - \mu_{11})(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{12} - \mu_{11})}e^{-(\delta_{12}+\mu_{11})t} + \frac{\delta_{11}\delta_{12}\delta_{13}k_1\alpha E_0}{(\delta_{12} + \mu_{11} + \beta)(\delta_{13} + \mu_{12} + \beta)(\delta_{14} + \mu_{13} + \beta)}e^{\beta t} \right];$$

$$Z_1(t) = Z_{1,0}e^{-(\delta_{15}+\mu_{14})t} + \frac{\delta_{14}P_{1,0}}{(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{14} - \mu_{13})}e^{-(\delta_{14}+\mu_{13})t} + \frac{\delta_{13}\delta_{14}K_{1,0}}{(\delta_{14} + \mu_{13} - \delta_{13} - \mu_{12})(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{13} - \mu_{12})}e^{-(\delta_{13}+\mu_{12})t} + \frac{\delta_{12}\delta_{13}\delta_{14}E_{1,0}}{(\delta_{13} + \mu_{12} - \delta_{12} - \mu_{11})(\delta_{14} + \mu_{13} - \delta_{12} - \mu_{11})(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{12} - \mu_{11})}e^{-(\delta_{12}+\mu_{11})t} + \frac{\delta_{11}\delta_{12}\delta_{13}\delta_{14}k_1\alpha E_0}{(\delta_{12} + \mu_{11} + \beta)(\delta_{13} + \mu_{12} + \beta)(\delta_{14} + \mu_{13} + \beta)(\delta_{15} + \mu_{14} + \beta)}e^{\beta t}, (7^*)$$

$$\frac{dZ_2}{dt} + (\delta_{25} + \mu_{24})Z_2(t) = \delta_{24} \left[\frac{P_{2,0}e^{-(\delta_{24}+\mu_{23})t} + \frac{\delta_{23}K_{2,0}}{(\delta_{24} + \mu_{23} - \delta_{23} - \mu_{22})}e^{-(\delta_{23}+\mu_{22})t} + \frac{\delta_{22}\delta_{23}E_{2,0}}{(\delta_{24} + \mu_{23} - \delta_{22} - \mu_{21})(\delta_{23} + \mu_{22} - \delta_{22} - \mu_{21})}e^{-(\delta_{22}+\mu_{21})t} + \frac{\delta_{21}\delta_{22}\delta_{23}k_2\alpha E_0}{(\delta_{22} + \mu_{21} + \beta)(\delta_{23} + \mu_{22} + \beta)(\delta_{24} + \mu_{23} + \beta)}e^{\beta t} \right];$$

$$Z_2(t) = Z_{2,0}e^{-(\delta_{25}+\mu_{24})t} + \frac{\delta_{24}P_{2,0}}{(\delta_{25} + \mu_{24} - \delta_{24} - \mu_{23})}e^{-(\delta_{24}+\mu_{23})t} + \frac{\delta_{23}\delta_{24}K_{2,0}}{(\delta_{24} + \mu_{23} - \delta_{23} - \mu_{22})(\delta_{25} + \mu_{24} - \delta_{23} - \mu_{22})}e^{-(\delta_{23}+\mu_{22})t} + \frac{\delta_{22}\delta_{23}\delta_{24}E_{2,0}}{(\delta_{23} + \mu_{22} - \delta_{22} - \mu_{21})(\delta_{24} + \mu_{23} - \delta_{22} - \mu_{21})(\delta_{25} + \mu_{24} - \delta_{22} - \mu_{21})}e^{-(\delta_{22}+\mu_{21})t} + \frac{\delta_{21}\delta_{22}\delta_{23}\delta_{24}k_2\alpha E_0}{(\delta_{22} + \mu_{21} + \beta)(\delta_{23} + \mu_{22} + \beta)(\delta_{24} + \mu_{23} + \beta)(\delta_{25} + \mu_{24} + \beta)}e^{\beta t}. (8^*)$$

In the end, this algorithm is also applied to find the solutions of the ninth and tenth equations of the system (1), yielding:

$$\frac{dM_1}{dt} + \mu_{15}M_1(t) = \delta_{15} \left[\frac{Z_{1,0}e^{-(\delta_{15}+\mu_{14})t} + \frac{\delta_{14}P_{1,0}}{(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{14} - \mu_{13})}e^{-(\delta_{14}+\mu_{13})t} + \frac{\delta_{13}\delta_{14}K_{1,0}}{(\delta_{14} + \mu_{13} - \delta_{13} - \mu_{12})(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{13} - \mu_{12})}e^{-(\delta_{13}+\mu_{12})t} + \frac{\delta_{12}\delta_{13}\delta_{14}E_{1,0}}{(\delta_{13} + \mu_{12} - \delta_{12} - \mu_{11})(\delta_{14} + \mu_{13} - \delta_{12} - \mu_{11})(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{12} - \mu_{11})}e^{-(\delta_{12}+\mu_{11})t} + \frac{\delta_{11}\delta_{12}\delta_{13}\delta_{14}k_1\alpha E_0}{(\delta_{12} + \mu_{11} + \beta)(\delta_{13} + \mu_{12} + \beta)(\delta_{14} + \mu_{13} + \beta)(\delta_{15} + \mu_{14} + \beta)}e^{\beta t} \right];$$

$$M_1(t) = M_{1,0}e^{-\mu_{15}t} + \frac{\delta_{15}Z_{1,0}}{\mu_{15} - \delta_{15} - \mu_{14}}e^{-(\delta_{15}+\mu_{14})t} + \frac{\delta_{14}\delta_{15}P_{1,0}}{(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{14} - \mu_{13})(\mu_{15} - \delta_{14} - \mu_{13})}e^{-(\delta_{14}+\mu_{13})t} + \frac{\delta_{13}\delta_{14}\delta_{15}K_{1,0}}{(\delta_{14} + \mu_{13} - \delta_{13} - \mu_{12})(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{13} - \mu_{12})(\mu_{15} - \delta_{13} - \mu_{12})}e^{-(\delta_{13}+\mu_{12})t} + \frac{\delta_{12}\delta_{13}\delta_{14}\delta_{15}E_{1,0}}{(\delta_{13} + \mu_{12} - \delta_{12} - \mu_{11})(\delta_{14} + \mu_{13} - \delta_{12} - \mu_{11})(\delta_{15} + \mu_{14} - \delta_{12} - \mu_{11})(\mu_{15} - \delta_{12} - \mu_{11})}e^{-(\delta_{12}+\mu_{11})t} + \frac{\delta_{11}\delta_{12}\delta_{13}\delta_{14}\delta_{15}k_1\alpha E_0}{(\delta_{12} + \mu_{11} + \beta)(\delta_{13} + \mu_{12} + \beta)(\delta_{14} + \mu_{13} + \beta)(\delta_{15} + \mu_{14} + \beta)(\mu_{15} - \delta_{11} - \beta)}e^{\beta t}.$$

$$\begin{aligned}
& + \frac{\delta_{11}\delta_{12}\delta_{13}\delta_{14}\delta_{15}k_1\alpha E_0}{(\delta_{12} + \mu_{11} + \beta)(\delta_{13} + \mu_{12} + \beta)(\delta_{14} + \mu_{13} + \beta)(\delta_{15} + \mu_{14} + \beta)(\mu_{15} + \beta)} e^{\beta t}. (9^*) \\
\frac{dM_2}{dt} + \mu_{25}M_2(t) = & \delta_{25} \left[\begin{aligned}
& Z_{2,0}e^{-(\delta_{25} + \mu_{24})t} + \frac{\delta_{24}P_{2,0}}{(\delta_{25} + \mu_{24} - \delta_{24} - \mu_{23})} e^{-(\delta_{24} + \mu_{23})t} + \\
& + \frac{\delta_{23}\delta_{24}K_{2,0}}{(\delta_{24} + \mu_{23} - \delta_{23} - \mu_{22})(\delta_{25} + \mu_{24} - \delta_{23} - \mu_{22})} e^{-(\delta_{23} + \mu_{22})t} + \\
& + \frac{\delta_{22}\delta_{23}\delta_{24}E_{2,0}}{\delta_{22}\delta_{23}\delta_{24}E_{2,0}} e^{-(\delta_{22} + \mu_{21})t} \\
& + \frac{\delta_{21}\delta_{22}\delta_{23}\delta_{24}k_2\alpha E_0}{(\delta_{22} + \mu_{21} + \beta)(\delta_{23} + \mu_{22} + \beta)(\delta_{24} + \mu_{23} + \beta)(\delta_{25} + \mu_{24} + \beta)} e^{\beta t}
\end{aligned} \right]; \\
M_2(t) = & M_{2,0}e^{-\mu_{25}t} + \frac{\delta_{25}Z_{2,0}}{\mu_{25} - \delta_{25} - \mu_{24}} e^{-(\delta_{25} + \mu_{24})t} + \\
& + \frac{\delta_{24}\delta_{25}P_{2,0}}{(\delta_{25} + \mu_{24} - \delta_{24} - \mu_{23})(\mu_{25} - \delta_{24} - \mu_{23})} e^{-(\delta_{24} + \mu_{23})t} + \\
& + \frac{\delta_{23}\delta_{24}\delta_{25}K_{2,0}}{(\delta_{24} + \mu_{23} - \delta_{23} - \mu_{22})(\delta_{25} + \mu_{24} - \delta_{23} - \mu_{22})(\mu_{25} - \delta_{23} - \mu_{22})} e^{-(\delta_{23} + \mu_{22})t} + \\
& + \frac{\delta_{22}\delta_{23}\delta_{24}\delta_{25}E_{2,0}}{(\delta_{23} + \mu_{22} - \delta_{22} - \mu_{21})(\delta_{24} + \mu_{23} - \delta_{22} - \mu_{21})(\delta_{25} + \mu_{24} - \delta_{22} - \mu_{21})(\mu_{25} - \delta_{22} - \mu_{21})} e^{-(\delta_{22} + \mu_{21})t} + \\
& + \frac{\delta_{21}\delta_{22}\delta_{23}\delta_{24}\delta_{25}k_2\alpha E_0 e^{\beta t}}{(\delta_{22} + \mu_{21} + \beta)(\delta_{23} + \mu_{22} + \beta)(\delta_{24} + \mu_{23} + \beta)(\delta_{25} + \mu_{24} + \beta)(\mu_{25} + \beta)}. (10^*)
\end{aligned}$$

Thus, the analytical solution of the system of ordinary differential equations (1) has been fully obtained.

In the course of the investigation of the given problem, the analytical solution of the system of differential equations (1) has been completely found. One of the main reasons for solving this system analytically is the future comparison of analytical solutions with numerical solutions.

Results Obtained:

1. A mathematical model based on a system of 10 linear ordinary differential equations was developed to describe the various life stages of a honey bee colony.

2. The equations of the developed system were fully solved analytically, enabling the determination of the instantaneous rate of change in the number of bees at each life stage.

3. Necessary conditions were identified, which are mandatory for calculating the coefficients of the proposed model.

4. A mathematical mechanism was designed and refined to describe the processes of growth, mortality, and transitions between different life stages.

5. The study demonstrated that the proposed approaches could be utilized to gain a better understanding of the dynamics of honey bee colonies and to manage them effectively.

Conclusion: The purpose of the study was to determine the population dynamics of a honey bee colony. By developing a mathematical model and solving a system of differential equations, the processes of growth, mortality, and transitions between different life stages of the honey bee colony were effectively described.

The results obtained make it possible to accurately analyze the population dynamics of honey bee colonies. Based on this analysis, the productivity of the colonies can be comprehensively evaluated, providing a scientific foundation for improving their management.

References

1. E.Ya. Frisman, M.P. Kulakov, O.L. Revutskaya, O.L. Zhdanova and G.P. Neverova, "Osnovnyye napravleniya i obzor sovremennogo sostoyaniya issledovaniy dinamiki strukturirovannykh i vzaimodeystvuyushchikh populyatsiy [The key approaches and review of current researches on dynamics of structured and interacting populations]," *Computer Research and Modeling*, vol. 11, no. 1, pp. 119–151, 2019, doi: 10.20537/2076-7633-2019-11-1-119-151 (in Russian).
2. G.V. Danilov, V.V. Zhukov, A.S. Kulikov, E.S. Makashova, N.A. Mitin, Yu.N. Orlov, "Srvnitelnyj analiz statisticheskikh metodov klassifikacii nauchnyh publikacij v oblasti [Comparative analysis of statistical methods of scientific publications classification in medicine]," *Computer research and modelling*, vol. 12, no. 4, pp. 921–933, 2020 (in Russian).
3. N.H. Du, N.D. Dong, V.T. Luu, N. Van Hoang, P.H. Thai, P.T. Ngoc, N.V. Long, and P.T.T. Hong, "Toward Audio Beehive Monitoring Based on IoT-AI techniques: A Survey and Perspective," *Vietnam J. Agric. Sci.*, vol. 3, pp. 530–540, 2020.
4. S. Bermig, R. Odemer, A. Gombert, M. Frommberger, R. Rosenquist, and J. Pistorius, "Experimental validation of an electronic counting device to determine flight activity of honey bees (Apis

- mellifera L.),” J. Cultiv. Plants, vol. 72, pp. 132–140, 2020.
5. S. Cecchi, S. Spinsante, A. Terenzi, and S. Orcioni, “A Smart Sensor-Based Measurement System for Advanced Bee Hive Monitoring,” Sensors, vol. 20, pp. 2726, 2020.
  6. Saidzoda, I. M. Conceptual modeling of the dynamics of bee colonies under the influence of diseases and pests, taking into account age and sex / I. M. Saidzoda // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration : Proceedings of the International Conference, Beijing, 26 апреля 2024 года. – Beijing: Инфинити, 2024. – P. 160-164. – DOI 10.34660/INF.2024.27.85.024.
  7. Saidzoda, I. M. Investigation of the influence of climate factors on the activity of bees by computer simulation colony / I. M. Saidzoda, Sh. Kh. Tagoev // Endless Light in Science. – 2024. – No. SI. – P. 38-43. – DOI 10.24412/2709-1201-2024-23-38-43.
  8. V. Antonov, W. Fernandes, V.G. Romanovski, and N. L. Shcheglova, “First integrals of the May Leonard asymmetric system,” Mathematics, vol. 7, no. 3, 2019, doi: 10.3390/math7030292.
  9. V. Komasilovs, A. Zacepins, A. Kviesis, S. Fiedler, and S. Kirchner, “Modular sensory hardware and data processing solution for implementation of the precision beekeeping,” Agron. Res., vol. 17, pp. 509–517, 2019.
  10. Земскова, Н. Е. Численность популяции медоносных пчел в Самарской области [Текст] / Н.Е. Земскова, В.Н. Сатаров, В.Р. Туктаров // Пчеловодство. – 2014. – № 8. – С. 12-22.
  11. Кудряков, А. В. Простая модель функционально-возрастного состава пчелиных семей и некоторые её приложения [Текст] / Кудряков, А.В. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2006. – Т. 8. – № 2. – С. 556-563.
  12. Лаврехин, Ф. А. Биология медоносной пчелы / Ф.А. Лаврехин, С.В. Панкова. – М.: «Колос», 1983. – 303 с.
  13. Меншуткин, В. В. Искусство моделирования (экология, физиология, эволюция) / В.В. Меншуткин. – СПб.: «Петрозаводск», 2010. – С.416.
  14. Саидзода, И. М. Компьютерное моделирование популяции медоносной пчелиной семьи методом Рунге-Кутты [Текст] / И.М. Саидзода, Ф.С. Комилийн // Вестник Таджикского национального университета. Серия естественных наук. – 2022. – № 2. – С. 26-42.
  15. Саидов, И. М. Асосҳои амсиласозии риёзӣ / И.М. Саидов. – Душанбе : Мехроҷ-граф, 2020. – 152 с. – ISBN 978-99975-1-171-3. – EDN QVBBCC.
  16. Соколов, С. В. Модели динамики популяций. Учебное пособие [Текст] С.В. Соколов / СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. – 61 с.
  17. Толчинский, С. П. Семьи должны быть сильными круглый год [Текст] / С.П. Толчинский // Пчеловодство. – 1938. – № 4. – С. 30-31.

Джанибеков В.А., Сапогин В.Г., Сапогин К.В.

ПРИНЦИП ДЛИТЕЛЬНОГО ВРАЩЕНИЯ *PERPETUM MOBILE*

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106.506

Вековое противостояние математиков с техническим устройством под названием «вечный двигатель» (ВД) выиграл ВД. Вертушка вращается Механическим Принципом Стокса, утерянным в веках. Идеи математиков, запрещающие работу ВД, рухнули с небес на землю. С *perpetum mobile* самовращения наступает Эра создания широкого класса технических и энергетических устройств, не нарушающих экологии среды.

Во времена Фарадея человеческий гений создал одно техническое устройство, которое получило странное название «вечный двигатель» (*perpetum mobile*). Земляне попытались найти способ преобразования гравитационной энергии земли в механическую энергию вращения металлической вертушки. Закон Фарадея требовал внешнюю энергию на механическое вращение катушки или магнита. А ВД требовал для вращения вертушки энергию гравитационного поля. Как ВД преобразовывал её в энергию вращения вертушки, веками никто не понимал, и объяснить не мог. Это непонимание привело к вековой конфронтации инженеров с математиками.

Только в наше время стало понятно, что земляне 200 лет назад обнаружили принцип

построения уникальных устройств, в которых бесплатная энергия гравитационного поля могла превращаться в энергию механического самовращения вертушки. Устройство для своей длительной работы требовало затравочную энергию только в момент запуска.

Хотелось понять, на каком механическом принципе устройство работает? Поиски правильных принципов работы *perpetum mobile* растянулись на века. Но их, всё-таки, удалось найти в разделе физики, называемом «Динамика Ньютона».

Её фундаментальный закон движения тела по инерции до сих пор вызывает споры, связанные с интерпретацией закона. На современном уровне знаний мы понимаем его следующим образом. Если на точечную массу не действует сила, или приложенные к ней силы равны нулю, то такое тело находится либо в прямолинейном движении с постоянной скоростью, либо покоится. Причём, это прямолинейное движение может быть достаточно длительным. Современная механика добавляет слова: «до тех пор, пока появление других сил не изменит этого состояния движения». Выполнение этого закона легко наблюдать внутри космической

станции при движении любых тел небольших размеров.

Движение тела по инерции может быть и не прямолинейным. Оно может возникать и при вращательном движении любой неточечной массы. Тогда формулировка закона инерции немного изменится. Если на тело не действует момент силы, или приложенные к телу моменты сил равны нулю, то такое тело либо сохраняет состояние вращения с постоянной угловой скоростью, либо не вращается.

А могут ли проявляться свойства инерции у тела, к которому приложена только одна сила, не создающего внешнего момента силы? Решение задач динамики указывает на то, что при вращательном движении тела в центральном поле по круговой траектории может возникать и такой случай движения. При этом, у движущегося тела как линейная, так и угловая скорости движения не изменяются с течением времени. Спутники и космические станции находятся в режиме движения, приближенном к движению по инерции. Режим тем ближе к такому движению, чем меньше действующая на него тормозящая сила сопротивления остаточного воздуха.

Электрон в центральном поле протона может двигаться по окружности на любом уровне энергии с постоянной линейной и угловой скоростью, соответствующей его полной энергии в атоме. Электрон в однородном магнитном поле также движется длительное время с постоянной линейной и угловой скоростью. Все эти движения, при наличии одной силы, играющей роль центростремительной, как бы происходят по инерции. Принцип длительного вращения закручивает массу жидкости или воздуха в образовавшемся смерче или торнадо. Это всё природные модели *perpetum mobile*.

Ещё одну модель существования «вечного» вращения дают биофизические исследования. Как показано в работе [1], жгутиковые бактерии перемещаются в плотной жидкости при помощи «*flagellar motors*». Внутри тела бактерии, за счёт разделения зарядов, возникает электрический вращательный момент наэлектризованного пропеллера, который компенсируется моментом сил трения. Бактерия длительно перемещается в жидкости с постоянной угловой скоростью, и в это время реализует принцип длительного вращения.

Приложим эти размышления к *perpetum mobile*, в котором действуют несколько моментов сил, два из которых связаны с трением. В работающих конструкциях ВД (см., например вертушку *Aldo Kosta*) на массы, находящиеся на вертушке, обычно действуют три момента силы. Один момент силы тяжести (внутренний момент самовращения – непростая техническая изюминка задачи, как его создать?), второй – момент силы трения скольжения и третий – момент силы вязкого трения воздуха.

Если записать уравнение Ньютона для динамики вращательного движения (три момента

сил), то оно имеет одно точное решение, при котором в среде с трением угловое ускорение вертушки будет равно нулю, а грузы на её ободке будут крутиться с постоянной угловой и линейной скоростью. Вертушка находится в состоянии механического принципа длительного вращения. Это же уравнение описывает вращение бактерии в вязкой среде и вращение смерча или торнадо.

Все оппоненты вечного двигателя сразу закричат: как такое может быть? Ведь там же трение? И будут утверждать, что силы трения обязательно отнимут всю энергию у вращающегося тела. Глубокая мысль!!! Но правильная ли она? Правильная. Такой вариант движения в диссипативной среде есть. Он реализуется для вращающихся тел, к которым приложен один момент сил: момент силы противодействия приложен, а момент силы действия не приложен. А если ещё и момент силы действия приложен, и его величина совпадает с моментом сил противодействия, то трение не может изменить вращательную энергию движущегося тела. Мощность момента силы действия будет всё время компенсировать мощность момента сил трения. Вот так нас всех неправильно научили механике.

Так что, динамика Ньютона всех обманывает? Оказывается, нет!!! Просто все мы, всего лишь неправильно интерпретируем физическую ситуацию, описываемую трёхбуквенным законом Ньютона для вращательного движения.

Джордж Габриэль Стокс (1845 г.) обнаружил, что при таком движении у вертушки существует четыре взаимосвязанных закона сохранения: два векторных и два скалярных.

Они возникают потому, что суммарный вектор момента сил, действующий на вертушку, равен нулю. Вектор момента сил действия всегда равен вектору момента сил противодействия. Векторы всегда имеют противоположные направления. *Векторные законы сохранения* – закон сохранения вектора момента импульса и следующий из него закон сохранения вектора угловой скорости. *Скалярные законы сохранения* – закон сохранения вращательной энергии вертушки и закон сохранения мощности. Чтобы получить закон сохранения мощности нужно, всего-то, обе части равенства постоянных моментов сил умножить на постоянную угловую скорость вращения вертушки.

И оказывается, что в ВД мощность момента силы действия вертушки всегда будет равна суммарной мощности момента сил противодействия (сил трения). Вертушка непрерывно забирает энергию из гравитационного «бензобака» и компенсирует ею потери мощности «ненавистного» трения. Скорость закачки энергии гравитационного поля имеет определённое направление и совпадает со скоростью её поглощения трением. Поэтому ВД вращается с постоянной угловой скоростью, а его движение подчиняется принципу длительного вращения тела, превращающего его на время в *perpetum mobile*.

Обнаруженный механический принцип Стокс проверил на прямолинейном вертикальном движении металлического шарика в вязкой среде. И пришёл к ВЕЛИЧАЙШЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ИСТИНЕ. Мы лишь недавно открыли её для себя заново, и теперь называем Механическим Принципом Стокса.

В среде с трением может существовать такой класс траекторий движения, при котором тело будет перемещаться с постоянной скоростью: либо линейной, либо угловой. Этот класс движений определяется механическим принципом длительного движения.

Момент самовращения закручивает вертушку. Половину периода она забирает энергию из скачка гравитационного поля, а вторую половину периода частично возвращает назад. Обычно возвращает меньше, чем забирает в первой половине периода. Так ВД может длительно вращаться. Он становится *perpetum mobile с самовращением*.

Вот такие законы сохранения существуют во вращающейся вертушке. А нам, окончившим высшие учебные заведения, разве не рассказывали о законах сохранения, управляющих *perpetum mobile*? Полистав учебники физики для школ и вузов, наши и зарубежные, ни в одном из них мы не найдем принципа Стокса.

Даже в школьных учебниках по физике исчезло доказательство невозможности создания ВД. Ранее, в 60-х годах, оно приводилось во всех учебниках. А теперь – не приводится. Может быть, «чиновники от образования» дали возможность школьным учителям осознать и принять как факт то, что ВД – реально работающее техническое устройство? И о нём уже нужно рассказывать старшеклассникам?

Закралась крамольная мысль. Математики знали о результатах, полученных Стоксом. Но не довели их до землян. Представляете, вместо того, чтобы объяснить всем Принцип Вращения ВД, «спрятали под ковёр», прорывную для понимания явления, работу Стокса, величайшего физика «всех времён и народов»! Вот вам и «математическое дышло». Куда повернули математики, туда всё и «вышло».

Правда, тут мог сыграть свою роль один «подводный камень», существующий в любом научном исследовании. И математика правильно написана, и закон понят, и где он работает тоже ясно. А был ли он применён к объяснению работы *perpetum mobile*? Помните, как мы в России создавали атомную бомбу? Уже и чертежи нам Розенберги подарили, и мы всё точно повторили. А бомба не взрывается!!!

Мы уверены, что у нас не было бы атомной бомбы, если бы не было выдающегося физика, академика Курчатова. Он догадался, что уран необходимо обогащать. Это привело к **принципу длительного движения зарядов в бомбе, которая, наконец-то, взорвалась**. Вопрос, кто верховодит в

технической физике: физик или математик, – становится праздным.

И что теперь нам всем делать с энергетикой, утерявшей великий Принцип Длительного Движения Стокса? Есть ли какой-нибудь выход у землян из возникшего тупика? Как очистить «авгиевы конюшни» самой дорогой ядерной энергетике, оплаченной золотом и здоровьем землян за её электричество?

Ответы на эти непростые вопросы попыталась найти инициативная научная группа. На момент организации группы, в её состав входили: заведующий кафедрой физики МАДИ, академик РАЕ, доктор технических наук, профессор Сапогин Л.Г., летчик космонавт СССР, академик РАЕ, Джанибеков В.А., профессор кафедры физики ИТА ЮФУ, кандидат физико-математических наук Сапогин В.Г., и предприниматель Савин Ю.П. Она в течение 30 лет занималась поиском этих ответов.

Пришлось исследовать физику работы новых энергетических устройств, особенно нашумевших в наше время. Это УТС (управляемый термоядерный синтез токамака), опыты Мандельштама-Папалекси с механическим варикапом, Флейшмана-Понса с плазменным электролизом тяжёлой воды, Каторгина-Марина с водородной плазмой, Росси-Фокарди с плазмой твёрдого тела, опыты разнообразных технологий работающих ВД.

Рассмотрено несколько вариантов: механические вертушки на скачке гравитационного поля (опыты Aldo Kosta, 2000 г. и Игоря Белецкого, 2023 г.); вертушка Поля Баумана (1970 г., на скачке электрического поля «Гестатики»); подшипник Николаева (1980 г., на скачке магнитного поля); источник тепла Росси-Фокарди (2002 г., на скачке тока смещения); конденсатор-бабочка Белецкого (2020 г.). Инженеры создали ВД на силе Архимеда и на поле упругих сил, назвали их бестопливыми генераторами (БТГ) и выставили видео их работы в интернет. Создание перечисленных устройств в нашей стране и за рубежом не приветствуется.

Что приходится констатировать? Объяснение причин мощного выделения энергии в плазме новыми ядерными реакциями – глубокое заблуждение ядерщиков. Оно не позволяет понять и реально управлять тепловым нагревом плазмы. По нашему мнению, опыты натолкнулись на эффект преобразования мощности переменного тока проводимости в мощность тока смещения Максвелла, неизвестный ранее. В опытах УТС, Мандельштама, Флейшмана, Каторгина, Баумана, Белецкого и Росси мощность переменного тока генерируют плазменный конденсатор, такая же уединенная ёмкость, или варикап [2].

Выделение мощности обеспечивает микроскопический механизм закольцованного процесса синтеза/распада излучающих электронно-дырочных пузырей, имеющих большие заряды, микронные размеры и малое время жизни. Заряды в стенке пузыря удерживают силы «полевого конфайнмента», открытые нами в 2000 г. [3,4]. В стенке возникает обратное действие градиента

давления электрического поля на массовую плотность зарядов. При этом образуется полевая ловушка, в которой есть силы сжатия и расширения, формирующие равновесие зарядов в ловушке.

Пузыри порождаются тепловым движением плазмы и являются аналогом шаровой молнии из плазмы. Перемещаясь между электродами конденсатора, заряды создают ток Максвелла, нагревающий плазму вместе с конденсатором. Ток половину периода излучает электромагнитные волны во внешнюю область конденсатора, а вторую половину периода поглощает излучение обратно. Поэтому в плазменных системах, нагреваемых током Максвелла, всегда присутствует мощное излучение.

Это излучение смертельно для человека. Его трудно экранировать. Как ядерная энергетика не может обойтись без ядерных отходов, так и плазменная – без излучения. **Землянами открыта ещё одна убийственная технология извлечения энергии.** Эффект аномального нагрева плазмы может быть объяснён и рассчитан из второго закона энергетике, закона электродинамической индукции, утерянного в веках. Он преобразует изменяющийся во времени **поток электрической индукции** между металлическими электродами в ток смещения. Преобразование скрывается в уравнениях Максвелла.

По ходу исследований было создано два оригинальных научных направления: «Унитарная квантовая теория и новые источники энергии» и «Каноническая физика кластерных состояний вещества». Удалось систематизировать процессы, происходящие в разнообразных схемах извлечения энергии переменного тока. Мы поняли, как из этих схем можно построить устройства чистой энергетики, не влияющей на экологию. Фрагменты незаконченного исследования по теме опубликованы в монографиях и, частично, выставлены на сайте «Каноническая физика» sapogin.com.

Проведённая нами научная экспертиза показывает, что землянам нужно срочно создавать отрасли персональной энергетики малой мощности. Для этого необходимо разработать широкий класс устройств, работающих как ВД на Принципе Длительного Движения Стокса. Устройства преобразования энергии полей в механическую энергию самовращения можно

создавать на основе всех хорошо изученных физических полей. Для своей работы они не требуют внешней энергии.

Их можно строить на скачке гравитационного поля, на кольцевом поле сил упругости, на скачке электрического поля, на скачке магнитного поля. Можно использовать магнитную левитацию на скачке обычного магнитного поля. А можно использовать и сверхэффективную токовую левитацию. Она возникает на токах высокотемпературной сверхпроводимости Лицкалнена (1907 г.). Технология MAGLEV, опробованная китайскими инженерами, позволяет разогнать поезд до 650 км/час и показывает, что такие токи не нагревают проводник и поднимают вагоны весом до 60 т на высоту 10 см при токах в 100 А.

Вековое противостояние теоретиков с устройством ВД выиграл ВД. Бесшабашные идеи математиков рухнули с небес на землю. Наступает эра чистой энергетики и создания нового широкого класса технических устройств, в основе которых лежит *perpetuum mobile* с самовращением [5].

Список литературы

1. Morgan Beeby, Deborah A. Ribardo, Caitlin A. Brennan, Edward G. Ruby, Grant J. Jensen and David R. Hendrixson. www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1518952113
2. Сапогин В.Г. Способы извлечения энергии короткоживущими пузырьками зарядов в плазме. Сайт «Каноническая физика» sapogin.com, раздел «Научноёмкие технологии». 2023, – с. 55.
3. Сапогин В.Г. Механизмы удержания вещества самосогласованным полем. Сайт «Каноническая физика» sapogin.com, раздел «Докторская диссертация». 2000, – с. 375.
4. Sapogin V.G., Sapogin K.V. Invisible Bubbles with Liquid Wall from Dark Plasma of the Sun. *Adv Theo Comp Phy*, 2024. V.7, Is.4, – p. 1-18. ISSN:2639-0108, <https://opastpublisher.com>.
5. Джанибеков В.А., Савин Ю.П., Сапогин В.Г., Сапогин К.В., Сапогин Л.Г. Работающий вечный двигатель отменил запреты академической математики. Сайт «Каноническая физика» sapogin.com, раздел «Принцип вечного движения», 2024, – с.7.

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

UDC 616.34-006.55

¹*Salmin Roman Mikhailovich;*

¹ *Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Surgical Diseases I, Educational Institution "Grodno State Medical University", Grodno, Republic of Belarus*

COLON POLYPS: DISTRIBUTION OF PATIENTS BY AGE, GENDER AND PLACE OF RESIDENCE (BELARUS, GRODNO REGION, 2024)

Summary. Colon polyps are an obligate precancerous disease. Fundamental understanding of the etiology and pathogenesis of rectal polyps is a prerequisite for successful prevention, diagnosis and treatment of both benign and malignant tumors of the colon, and therefore is an urgent problem of modern coloproctology. We researched the distribution of patients with the diagnosis of colon polyp (D12) residing in the Grodno region by age, gender and place of residence in 2024. It was found that in the mature and elderly age groups the proportion of male patients was significantly greater (about 60%, $p < 0.05$), while in the senile age group female patients (68.2%, $p < 0.05$) predominated. The proportion of urban residents significantly predominated in most age groups (about 63%, $p < 0.05$); the maximum number of patients (42.6%, $p < 0.05$) belonged to the age group of 50-65 years; there were more male patients among urban residents ($p < 0.05$).

Keywords: colon polyp, polyposis, rectum, sigmoid colon, colon, anal canal, Grodno region, Belarus, rural residents, urban residents, males, females.

I. INTRODUCTION

Colon polyps are an obligate precancerous disease. Fundamental understanding of the etiology and pathogenesis of rectal polyps is based on the elegant and classic report of Vogelstein and Fearon [1]. In this model, acquired genetic mutations leading to increased oncogene function or loss of tumor suppressor gene function confer a selective advantage in the growth of cell clones. [2]. The expansion of these cell clones initiates the transformation of the normal colonic epithelium into benign neoplasms or polyps. Therefore, prevention, diagnosis and timely treatment of these benign neoplasms is an urgent problem of modern coloproctology [3, 4, 5].

II. EXPERIMENTAL PROCEDURE

Goal. To explore the distribution of patients with a diagnosis of colon polyp (D12) residing in the Grodno region by age, gender and place of residence in 2024.

The study included 340 electronic medical records of patients hospitalized in the department of purulent surgery of the Grodno University Clinic with a diagnosis of colon polyp (D12) for colonoscopy in 2024.

Statistical data processing was carried out using the program «Statistica 13». LOG-linear analysis was used to assess the significance of the influence of

factors. For the frequencies obtained (in fractions of a unit), Yates correction was applied. For each frequency, the value of ϕ – Fisher's auxiliary variable – was calculated in radian measure. For each obtained value of ϕ - Fisher's variable, a 95% confidence interval was calculated using a two-tailed t-test. The boundaries of the obtained confidence interval for ϕ - Fisher's variable, were recalculated into the boundaries of the confidence interval of the original variable – frequency. Further, in the text, the confidence interval is abbreviated CI, its boundaries are indicated in square brackets. The significance of frequency differences was assessed using Fisher's auxiliary variable ϕ in radians and two-tailed t-test statistics (ϕ -test). The result was considered as statistically significant with the level of error of the first kind $p < 0.05$.

III. RESULTS AND DISCUSSIONS

In total, 340 case histories of patients of the Grodno University Clinic with a diagnosis of colon polyp (D12), who received treatment in 2024 were studied. The minimum and maximum ages of the examined patients were 31 and 78 years, respectively, with an average age of 61 years. The number of males was 172 people, females – 168. Of these, there were 215 urban and 125 rural residents. The number of patients distributed by age, gender and place of residence is presented in table 1.

Table 1

Distribution of patients with colon polyps in the general group by age, gender, and place of residence

Age	Group of patients (n)	Gender		Place of residence	
		m	f	u	r
Young (20-35 years)	5	3	2	4	1
Mature (35-50 years)	80	54	26	64	16
Elderly (50-65 years)	145	80	65	105	40
Senile (65 and older)	110	35	75	42	68
General group	340	172	168	215	125

Note: m – male, f – female, u – urban, r – rural

According to the research results, the smallest number of patients was at the age group of 20-35 years: 1.5%, CI [0.5%; 3.0%], $p < 0.05$. Differences in gender and place of residence in this age group were not statistically significant.

The age group of 35-50 years included a significant number of patients: 23.5%, CI [19.2%; 28.2%]. Of these, there were reliably more males ($p < 0.05$) (67.5%, CI [56.9%; 77.3%]) than females (32.5%, CI [22.7%; 43.1%]). In this age group, the number of urban residents was 80%, CI [70.6%; 88.0%], and the number of rural residents was reliably ($p < 0.05$) less – 20%, CI [12.0%; 29.4%].

The maximum number of patients – 42.6%, CI [37.4%; 47.9%], $p < 0.05$, belonged to the age group of 50-65 years. Of them, the proportion of males was 55.2%, CI [47.0%; 63.2%], and it did not reliably differ from that of females: 44.8%, CI [36.8%; 53.0%]. In this age group, the percentage of urban residents was 72.4%, CI [64.9%; 79.4%], which turned out to be reliably higher ($p < 0.05$) than that of rural residents: 27.6%, CI [20.6%; 35.1%].

The group of 65 years and older included 32.4%, CI [27.5%; 37.4%] of patients. Among them, there were reliably ($p < 0.05$) more females (68.2%, CI [59.2%; 76.5%]) than males (31.8%, CI [23.5%; 40.8%]). In this age group, the rural population (61.8%, CI [52.6%; 70.6%]) reliably prevailed over the urban one (36.8%, CI [29.4%; 47.4%]).

In the general group of patients, the proportions of males (50.6%, CI [45.3%; 55.9%]) and females (49.4%, CI [44.1%; 54.7%]) did not differ considerably. In this group, urban residents reliably ($p < 0.05$) prevailed over the rural ones: 63.2%, CI [58.0%; 68.3%] and 36.8%, CI [31.7%; 42.0%] respectively.

The relationship of the factors "age and gender" was reliably ($p < 0.05$) established. Thus, the diagnosis of colon polyp (D12) was more common among males in the mature and elderly age groups (35-65 years), while in the senile (over 65 years) age group there were more females. This may be due to the fact that male patients, because of their lifestyle peculiarities are more subjected to harmful environmental factors, and, consequently, their proportion decreases considerably by old age.

The relationship of the factors "age and place of residence" was reliably ($p < 0.05$) established. Thus, the diagnosis of colon polyp (D12) was more common among urban residents in the mature and elderly age groups (35-65 years), while in the senile (over 65 years)

age group there were more rural residents. This is probably due to the fact, that urban residents are more affected by harmful environmental factors, and, consequently, their proportion decreases considerably by old age.

The relationship of the factors "gender and place of residence" was reliably ($p < 0.05$) established. Thus, the proportion of males with the diagnosis of colon polyp (D12) was greater among urban residents. This may be related to the peculiarities of the lifestyle of male patients in urban environment leading to excessive exposure to harmful environmental factors.

IV. CONCLUSION

In the mature and elderly age groups, the proportion of male patients reliably prevails (about 60%, $p < 0.05$), while the proportion of female patients reliably predominates (68.2%, $p < 0.05$) in the senile age group. Among the patients diagnosed with colon polyp (D12) both in the general and in most of the age groups, the proportion of urban residents significantly prevails (about 63%, $p < 0.05$). The maximum number of patients (42.6%, $p < 0.05$) with a diagnosis of colon polyp (D12) belongs to the age group of 50-65 years. Among patients diagnosed with colon polyp (D12) there are more males among urban residents ($p < 0.05$).

Conflict of interest

There is no conflict to disclose.

ACKNOWLEDGEMENT

The authors are grateful to the National Council for Scientific and Technological Development – CNPq.

REFERENCES

- [1].L. O.Gucol, I. E. Egorova, S. F. Nepomnyashchih, L. N. Minakina, M. V. YAs'ko. *Reparaciya nesparennyh osnovanij i petel' delecii / vstavki DNK u eukariot. Byulleten' VSNC SO RAMN*, 2016, tom 1, №3 (109), chast' 1; s.72-76.
- [2].O. I. Kit, D. I. Vodolazhskij. *Molekulyarnaya biologiya kolorektal'nogo raka v klinicheskoj praktike // Molekulyarnaya biologiya*, 2015, tom 49, № 4, s. 531-540.
- [3].Hereditary colorectal cancer: genetics and screening / O.I. Kit [et al.] // *Russian Journal of Gastroenterology. Hepatol. Coloproctol.* – 2018. – vol. 28, No. 3. – pp. 18-25
- [4].Association of Polyps with Early-Onset Colorectal Cancer and Throughout Surveillance: Novel Clinical and Molecular Implications / J. Perea Garcia [et al.] // *Cancers (Basel)*. – 2019. – v. 11, № 12. – pii. E1900.

[5]. Comparison of colon adenoma detection rates using cap-assisted and Endocuff-assisted colonoscopy: a randomized controlled trial / J. Marsano [et al.] // *Endosc Int Open.* – 2019. – v. 7, № 12. – p. E1585-E1591.

UDC 616.34-006.55

¹*Salmin Roman Mikhailovich;*

¹ *Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Surgical Diseases I, Educational Institution "Grodno State Medical University", Grodno, Republic of Belarus*

HISTOLOGICAL CHARACTERISTICS OF COLON POLYPS IN PATIENTS OF GRODNO REGION IN 2024 (BELARUS)

Summary. Colon polyps are benign tumor formations. The diagnostic difficulty of colon polyps is that the disease is often asymptomatic. Obviously, the decrease in the incidence of colorectal cancer is due to the timely detection, removal of benign polyps and prediction of the course of the disease in each individual case. We investigated the distribution of colon adenomas in patients of the Grodno region with the diagnosis of colon polyp (D12) treated at the Grodno University Clinic in 2024 depending on the sex, age of the patient and the histological type of the tumor. It was found that in the patients in the age group of 35-50 years, the histological type tubular adenoma occurred significantly more often ($p < 0.05$) – in 45.3% of cases. With an increase in age, the proportions of the histological types tubulovillous adenoma and villous adenoma increased significantly ($p < 0.05$) and the proportions of the histological types hyperplastic polyp and serrated adenoma decreased. In the patients in the age group above 65 years, the proportion of benign tumors of the histological type villous adenoma reached 36.3%. In the male patients, the histological type of tumor villous adenoma was significantly ($p < 0.05$) more common (37.9% of cases), and the types hyperplastic polyp and serrated adenoma occurred less often (1.3% and 6.6% of cases, correspondingly) than in the female patients.

Keywords: colon polyp, polyposis, rectum, sigmoid colon, colon, anal canal, Grodno region, Belarus, rural residents, urban residents, males, females.

I. INTRODUCTION

Colon polyps are benign tumor formations that are precancerous diseases. In most cases, it is the polyps of the colon, malignant transformation of which takes about 8-10 years, that subsequently lead to the development of colorectal cancer [1, 3]. The diagnostic difficulty of colon polyps is that the disease is often asymptomatic [2, 3]. Obviously, the decrease in the incidence of colorectal cancer is due to the timely detection, removal of benign polyps and prediction of the course of the disease in each individual case. Therefore, the study of this pathology is relevant for modern medicine [1, 2, 3].

II. EXPERIMENTAL PROCEDURE

Goal. To study the distribution of colon adenomas in patients of the Grodno region with the diagnosis of colon polyp (D12) depending on the gender, age and the histological type of the tumor.

The study included 340 electronic medical records of patients hospitalized in the department of purulent surgery of the Grodno University Clinic with a diagnosis of colon polyp (D12) for colonoscopy in 2024.

Statistical data processing was carried out using the program «Statistica 13». LOG-linear analysis was used to assess the significance of the influence of

factors. For the frequencies obtained (in fractions of a unit), Yates correction was applied. For each frequency, the value of φ – Fisher's auxiliary variable – was calculated in radian measure. For each obtained value of φ - Fisher's variable, a 95% confidence interval was calculated using a two-tailed t-test. The boundaries of the obtained confidence interval for φ - Fisher's variable, were recalculated into the boundaries of the confidence interval of the original variable – frequency. Further, in the text, the confidence interval is abbreviated CI, its boundaries are indicated in square brackets. The significance of frequency differences was assessed using Fisher's auxiliary variable φ in radians and two-tailed t-test statistics (φ -test). The result was considered as statistically significant with the level of error of the first kind $p < 0.05$.

III. RESULTS AND DISCUSSIONS

In total, 340 case histories of patients of the Grodno University Clinic with a diagnosis of colon polyp (D12), who received treatment in 2024 were studied. The minimum and maximum ages of the examined patients were 31 and 78 years, respectively, with an average age of 61 years. The number of males was 172 people, females – 168. The number of patients and removed polyps, distributed by histological type of the tumor and by age groups is presented in Table 1.

Table 1

Distribution of the number of patients with colon polyps by age depending on the histological type of tumor tissue.

Age	Group of Patients	Histological type					
		H ₀	H ₁	H ₂	H ₃	H ₄	Σ
Young (20-35 years old)	5	1	2	2	0	0	5
Mature (35-50 years old)	80	6	21	43	15	10	95
Elderly (50-65 years)	145	5	15	59	58	32	169
Senile (65 years and older)	110	5	8	43	57	44	157
General group:	340	17	46	147	130	86	426

Note: H₀ – hyperplastic polyp; H₁ – serrated adenoma; H₂ – tubular adenoma, H₃ – villous adenoma, H₄ – tubulovillous adenoma; Σ – the sum of the number of polyps per line.

According to the research results, the smallest number of patients was in the age group of 20-35 years: 1.5%, CI [0.5%; 3.0%], $p < 0.05$. In this group, there were no statistically significant differences in the number of tumors of different histological types.

The age group of 35-50 years included 23.5% of patients, CI [19.2%; 28.2%]. Of these, in 45.3% of cases, CI [35.4%; 55.3%], the histological type tubular adenoma was reliably ($p < 0.05$) more common than other types.

The age group of 50-65 years included the largest number of patients: 42.6%, CI [37.4%; 47.9%], $p < 0.05$. In this group of patients the following histological tumor types occurred significantly more often ($p < 0.05$): tubular adenoma – in 34.9% cases, CI [27.9%; 42.2%], villous adenoma – in 34.3% cases, CI [27.4%; 41.6%], tubulovillous adenoma in 18.9% cases, CI [13.4%; 25.2%].

A significant number of patients belonged to the group of 65 years and older: 32.4%, CI [27.5%; 37.4%]. Among the patients in this group, polyps of the following histological types were significantly more common ($p < 0.05$): tubular adenoma – in 27.4% cases, CI [20.7%; 34.6%], villous adenoma – in 36.3% cases, CI [29.0%; 44.0%], tubulovillous adenoma – in 28.0% cases, CI [21.3%; 35.3%].

In the general group of patients (340 people), polyps of the following histological types were found

significantly more often ($p < 0.05$): tubular adenoma in – 34.5% cases, CI [30.1%; 39.1%], villous adenoma – in 30.5% cases, CI [26.2%; 35.0%], tubulovillous adenoma – in 20.2% cases, CI [16.5%; 24.1%].

Statistical analysis of the factors "age" and "histological type" showed their significant interaction ($p < 0.05$): with increasing age of the patient, the frequency of detection of villous and tubulovillous adenomas increases and the frequency of detection of hyperplastic, serrated and tubular adenomas decreases. From the literature it is known that tubulovillous and villous adenomas are characterized by mutations (both congenital and acquired) in a larger number of proto-oncogenes as compared to hyperplastic, serrated and tubular adenomas. The established pattern, at least in part, can be explained by the fact that the number of accumulated mutations in the cells of the colon epithelium increases under the influence of harmful environmental factors over time. The second, no less important factor explaining this pattern may be that patients, with age, are less likely to go to the doctor, despite the manifestations of health disorders. This behavior is often observed in patients, according to literature sources.

The number of patients and removed polyps, distributed depending on the histological type of tumor and sex, is presented in Table 2.

Table 2

Distribution of the number of patients with colon polyps by sex, depending on the histological type of tumor tissue.

Sex	Group of patients	Histological type					
		H ₀	H ₁	H ₂	H ₃	H ₄	Σ
Male	172	3	15	78	86	45	227
Female	168	14	31	69	44	41	199
General group:	340	17	46	147	130	86	426

Note: H₀ – hyperplastic polyp; H₁ – serrated adenoma; H₂ – tubular adenoma, H₃ – villous adenoma, H₄ – tubulovillous adenoma.

According to the research, the proportion of males was 50.6%, CI [45.3%; 55.9%]. In this group, benign tumors, according to their histological type, were distributed as follows: hyperplastic polyp - 1.3% cases, CI [0.3%; 3.2%], serrated adenoma - 6.6% cases, CI [3.8%; 10.2%], tubular adenoma - 34.4% cases, CI [28.3%; 40.7%], villous adenoma - 37.9% cases, CI [31.7%; 44.3%], tubulovillous adenoma - 19.8% cases, CI [14.9%; 25.3%]. The histological types tubular

adenoma and villous adenoma occurred significantly more often ($p < 0.05$) than other types. The histological type tubulovillous adenoma was less common, however, it represented a significantly larger proportion ($p < 0.05$) than the types hyperplastic polyp and serrated adenoma.

The proportion of females in the general group was 49.4%, CI [44.1%; 54.7%]. In this group, benign tumors, by their histological type, were distributed as

follows: hyperplastic polyp - 7.0% cases, CI [3.9%; 11.0%], serrated adenoma - 15.6% cases, CI [10.9%; 20.9%], tubular adenoma - 34.7% cases, CI [28.2%; 41.4%], villous adenoma - 22.1% cases, CI [16.6%; 28.1%], tubulovillous adenoma - 20.6% cases, CI [15.3%; 26.5%]. The histological type tubular adenoma occurred among female patients significantly more often ($p < 0.05$) than other types. The histological types serrated adenoma, villous adenoma, and tubulovillous adenoma in the female group were characterized by approximately equal proportions, without statistically significant differences between them. The histological type hyperplastic polyp occurred in the female group significantly less often ($p < 0.05$) than all other types of benign tumors of the colon.

Statistical analysis of the factors "sex" and "histological type" showed their significant interaction ($p < 0.05$): the male patients more often had a histological type of benign tumor of the colon villous adenoma, and less often the types hyperplastic polyp and serrated adenoma than the female patients. According to the literature, a benign tumor of the colon, belonging to the histological type villous adenoma has the highest potential for malignant transformation. The established pattern may be due to both the influence of more harmful environmental factors and less resistance to them of the male body.

IV. CONCLUSION

In the patients with benign tumors of the colon, aged 35-50 years, the histological type tubular adenoma occurs reliably ($p < 0.05$) more often than other histological types – in 45.3% cases, CI [35.4%; 55.3%]. In the patients with benign tumors of the colon, with an increase in age, the proportions of histological types tubulovillous adenoma and villous adenoma

significantly ($p < 0.05$) increase, while the proportions of the histological types hyperplastic polyp and serrated adenoma decrease. In the patients with colon polyps, in the age group over 65 years, the proportion of benign tumors belonging to the histological type villous adenoma reaches 36.3%, CI [29.0%; 44.0%]. In the male patients with colon polyps, the histological type of tumor villous adenoma is significantly more common ($p < 0.05$) – 37.9% cases, CI [31.7%; 44.3%] and the types hyperplastic polyp and serrated adenoma occur less often – 1.3% cases, CI [0.3%; 3.2%] and 6.6% cases, CI [3.8%; 10.2%], than in the female patients.

Conflict of interest

There is no conflict to disclose.

ACKNOWLEDGEMENT

The authors are grateful to the National Council for Scientific and Technological Development – CNPq.

REFERENCES

- [1]. Pasevich, D.M. Molecular genetic aspects of malignant neoplasms of the colon / D.M. Pasevich, S.A. Sushkov, V.M. Semenov // News of surgery. – 2016. - Vol. 24, No. 2. – S. 184-192.
- [2]. Comparison of colon adenoma detection rates using cap-assisted and Endocuff-assisted colonoscopy: a randomized controlled trial / J. Marsano [et al.] // Endosc Int Open. – 2019. – v. 7, № 12. – p. E1585-E1591.
- [3]. Study of Differential Serum Metabolites in Patients with Adenomatous Polyps of Colon and Yang-Deficiency Constitution Based on Ultra-performance Liquid Chromatography-Mass Spectrometry / W.Z. Du [et al.] // Chin J Integr Med. – 2019. – Nov 29. doi: 10.1007/s11655-019-3181-9.

UDC 616.34-006.55

¹Salmin Roman Mikhailovich;

¹ Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Surgical Diseases I, Educational Institution "Grodno State Medical University", Grodno, Republic of Belarus

DISTRIBUTION OF COLON POLYPS BY LOCALIZATION DEPENDING ON THE AGE OF PATIENTS (BELARUS, GRODNO REGION, 2024)

Summary. According to modern scientific data, colon cancer is one of the most common oncological diseases, the main risk group for this disease is formed by patients over 55 years of age. In most cases, the appearance of a malignant tumor is preceded by the accumulation of mutations in the cells of the colon epithelium, which is morphologically manifested by a benign tumor - a polyp, which is often clinically asymptomatic. Therefore, this study is relevant for modern medicine. We investigated the distribution of colon adenomas in patients of the Grodno region with the diagnosis of colon polyp (D12) depending on the patient's age and localization, who received treatment at the Grodno University Hospital in 2024. It was found that in patients diagnosed with colon polyp (D12), the tumor is reliably ($p < 0.05$) more often localized in the sigmoid colon: in 36.4% cases, CI [31.9%; 41.0%]. With age, in patients diagnosed with colon polyp (D12), the frequency of localization of tumors in the sigmoid colon significantly ($p < 0.05$) decreases, while in the ascending, transverse and descending colon it increases.

Keywords: colon polyp, polyposis, rectum, sigmoid colon, colon, anal canal, Grodno region, Belarus, rural residents, urban residents, males, females.

I. INTRODUCTION

According to modern scientific data, colorectal cancer is one of the most common oncological diseases; the main risk group for this disease is formed by patients over 55 years of age. There is a significant trend of increasing the incidence among a relatively young population [1, 4]. In most cases, the appearance of a malignant tumor is preceded by the accumulation of mutations in the cells of the colon epithelium, which is morphologically manifested by a benign tumor - a polyp, which is often clinically asymptomatic [1, 2, 3]. According to many researchers, the risk of developing colorectal cancer in individuals aged 40-50 years tends to increase; the asymptomatic clinical course of precancerous colon disease does not contribute to the early diagnosis and treatment of the disease at the stage of a benign tumor [2, 3, 4]. Therefore, this study is relevant for modern medicine.

II. EXPERIMENTAL PROCEDURE

Goal. To study the distribution of colon polyps (D12) depending on the localization in patients of the Grodno region, belonging to different age groups, in 2024.

The study included 340 electronic medical records of patients hospitalized in the department of purulent surgery of the Grodno University Clinic with a diagnosis of colon polyp (D12) for colonoscopy in 2024.

Statistical data processing was carried out using the program «Statistica 13». LOG-linear analysis was used to assess the significance of the influence of factors. For the frequencies obtained (in fractions of a unit), Yates correction was applied. For each frequency, the value of φ – Fisher's auxiliary variable – was calculated in radian measure. For each obtained value of φ - Fisher's variable, a 95% confidence interval was calculated using a two-tailed t-test. The boundaries of the obtained confidence interval for φ - Fisher's variable, were recalculated into the boundaries of the confidence interval of the original variable – frequency. Further, in the text, the confidence interval is abbreviated CI, its boundaries are indicated in square brackets. The significance of frequency differences was assessed using Fisher's auxiliary variable φ in radians and two-tailed t-test statistics (φ -test). The result was considered as statistically significant with the level of error of the first kind $p < 0.05$.

III. RESULTS AND DISCUSSIONS

In total, 340 case histories of patients of the Grodno University Clinic with a diagnosis of colon polyp (D12), who received treatment in 2024, were studied. The minimum and maximum ages of the examined patients were 31 and 78 years, respectively, with an average age of 61 years. The distribution of colon polyps, depending on the localization, by age groups is presented in Table 1.

Table 1

Distribution of colon polyps depending on the localization.

Age	Group of Patients	number of colon polyps						Σ
		L ₁	L ₂	L ₃	L ₄	L ₅	L ₆	
Young (20-35 years old)	5	0	0	1	0	0	4	5
Mature (35-50 years old)	80	8	5	7	17	43	15	95
Elderly (50-65 years)	145	15	6	18	20	75	35	169
Senile (65 years and older)	110	8	22	23	36	51	17	157
General group:	340	31	44	52	73	155	71	426

Note: L₁ – cecum; L₂ – ascending colon; L₃ – transverse colon; L₄ – descending colon; L₅ – sigmoid colon; L₆ – rectum and anal canal; Σ – the sum of the number of polyps per line.

According to the research results, in the young group of patients (20-35 years), a transverse colon polyp was found in 20.0% cases, CI [0.06%; 61.5%], rectum polyp - in 80.0% cases, CI [38.5%; 99.9%]. In this group of patients, the rectal polyp occurred statistically significantly more often than other localizations ($p < 0.05$).

In the mature group of patients (35-50 years), the following frequencies of localization of colon polyps were established: cecum - in 8.4% cases, CI [3.7%; 14.8%], ascending colon - in 5.3% cases, CI [1.7%; 10.6%], transverse colon - in 7.4% cases, CI [3.0%; 13.4%], descending colon - in 17.9% cases, CI [10.9%; 26.2%], sigmoid colon - in 45.3% cases, CI [35.4%; 55.3%], rectum and anal canal - in 15.8% cases, CI [9.2%; 23.8%]. In this group, the localization of polyps in the sigmoid colon was observed reliably more often ($p < 0.05$) than other localizations.

In the elderly group of patients (50-65 years), the following frequencies of localization of colon polyps were established: cecum - in 8.9% cases, CI [5.1%; 13.6%], ascending colon - in 3.6% cases, CI [1.3%;

6.9%], transverse colon - in 10.7% cases, CI [6.5%; 15.7%], descending colon - in 11.8% cases, CI [7.4%; 17.1%], sigmoid colon - in 44.4% cases, CI [37.0%; 51.9%], rectum and anal canal in 20.7% cases, CI [15.0%; 27.1%]. In this group, the localization of polyps in the sigmoid colon was observed reliably more often ($p < 0.05$) than other localizations.

In the senile group of patients (65 years and more), the following frequencies of localization of colon polyps were established: cecum - in 5.1% cases, CI [2.2%; 9.1%], ascending colon - in 14.0% cases, CI [9.0%; 19.9%], transverse colon - in 14.6% cases, CI [9.6%; 20.6%], descending colon - in 22.9% cases, CI [16.7%; 29.8%], sigmoid colon - in 32.5% cases, CI [25.4%; 40.0%], rectum and anal canal - in 10.8% cases, CI [6.5%; 16.1%]. In this group of patients, localizations of polyps in the descending colon and sigmoid colon were observed significantly ($p < 0.05$) more often than other localizations.

In the general group of patients, the following frequencies of localization of colon polyps were established: cecum - in 7.3% cases, CI [5.0%; 9.9%],

ascending colon - in 10.3% cases, CI [7.6%; 13.4%], transverse colon - in 12.2% cases, CI [9.3%; 15.5%], descending colon - in 17.1% cases, CI [13.7%; 20.9%], sigmoid colon - in 36.4% cases, CI [31.9%; 41.0%], rectum and anal canal - in 16.7% cases, CI [13.3%; 20.4%]. In this group, localizations of polyps in the descending colon, sigmoid colon and rectum were observed significantly more often ($p < 0.05$) than other localizations.

Thus, in general, it was established that the greatest frequency of localization of benign tumors of the colon is observed in the distal segments: descending colon, sigmoid colon and rectum. This fact may be due to the toxic effect of intestinal contents, which is more pronounced in these parts.

Statistical analysis of factors revealed a significant relationship between the patient's age and the incidence of colon polyps ($p < 0.05$). As a result, it was found that with age, the frequency of detection of polyps in the sigmoid colon decreases, while in the ascending, transverse and descending colons it increases. The established relationship between the age of the patient and the frequency of localization of colon polyps can be explained by a number of the following universal patterns. If a person develops colon polyps at a young, mature, and elderly age, the likelihood of reaching old age decreases, and when a person reaches old age, the likelihood of developing a benign tumor of the colon increases over time in all colon segments. Therefore, it is very important to examine all parts of the colon, especially in senile patients during colonoscopy.

IV. CONCLUSION

In patients diagnosed with colon polyp (D12), the tumor is localized reliably ($p < 0.05$) more often in the sigmoid colon: in 36.4% cases, CI [31.9%; 41.0%]. With age, in patients diagnosed with colon polyp (D12), the frequency of localization of tumors in the sigmoid colon significantly ($p < 0.05$) decreases, while in the ascending, transverse and descending colon it increases.

Conflict of interest

There is no conflict to disclose.

ACKNOWLEDGEMENT

The authors are grateful to the National Council for Scientific and Technological Development – CNPq.

REFERENCES

- [1]. Hereditary colorectal cancer: genetics and screening / O.I. Kit [et al.] // Ros. Journ. Gastroenterol. Hepatol. Coloproctol. – 2018. – Vol. 28, No. 3. – P. 18-25
- [2]. Comparison of colon adenoma detection rates using cap-assisted and Endocuff-assisted colonoscopy: a randomized controlled trial / J. Marsano [et al.] // Endosc Int Open. – 2019. – v. 7, № 12. – p. E1585-E1591.
- [3]. Computer-assisted assessment of colonic polyp histopathology using probe-based confocal laser endomicroscopy / P. Taunk [et al.] // Int J Colorectal Dis. – 2019. – v. 34, № 12. – p. 2043-2051.
- [4]. Location of colorectal adenomas and serrated polyps in patients under age 50 / Z. Chen [et al.] // Int J Colorectal Dis. – 2019. – v. 34, № 12. – p. 2201-2204.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Kudenov Temurbek Maxsetbaevich

Department of Mathematics Teaching Methods, Assistant Teacher

Nukus State Pedagogical Institute named after Ajinyoz,

Nukus city, Uzbekistan

THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN SELF-DEVELOPMENT AND EFFECTIVE APPLICATION METHODS

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106.510

Abstract: The integration of digital technologies in education has transformed traditional pedagogical approaches, offering innovative tools to support self-development among students. This article explores the pedagogical potential of digital technologies in fostering self-directed learning and examines effective strategies for their application in educational settings. Key considerations include accessibility, adaptability, and the alignment of digital tools with learning objectives.

Keywords: digital technologies, self-development, personalized learning, educational technology, pedagogy, lifelong learning.

Introduction:

Self-development is an essential component of lifelong learning, empowering individuals to acquire knowledge, skills, and competencies autonomously. Digital technologies provide unique opportunities to enhance this process by offering access to diverse resources, personalized learning experiences, and collaborative platforms. This article investigates the pedagogical advantages of digital technologies and proposes methods for effectively integrating them into educational practices.

The Pedagogical Potential of Digital Technologies:

1. Personalized Learning Paths:

Digital technologies allow for the creation of individualized learning plans tailored to students' needs, interests, and learning paces. Adaptive learning platforms, such as AI-driven software, analyze student performance to adjust content delivery dynamically, ensuring a customized experience.

2. Interactive and Engaging Content:

Multimedia elements like videos, simulations, and gamified modules enhance engagement and improve comprehension. These interactive tools cater to diverse learning styles and make complex concepts more accessible.

3. Access to Global Knowledge:

Online resources, including e-books, academic journals, and open educational platforms, provide learners with a vast array of knowledge. Platforms like Coursera, Khan Academy, and OpenAI offer courses that support self-paced learning.

4. Collaboration and Communication:

Digital technologies enable collaborative learning through tools such as virtual classrooms, discussion forums, and cloud-based document sharing. These platforms foster peer-to-peer interaction and teamwork.

5. Real-Time Feedback and Assessment:

Automated assessment tools provide immediate feedback, enabling learners to identify areas for improvement and track their progress effectively.

Effective Application Methods:

1. Integration with Curriculum:

To maximize the impact of digital technologies, they must be seamlessly integrated into the curriculum. Educators should identify specific learning objectives that can be supported by digital tools and ensure that the chosen technologies enhance rather than distract from the learning process.

2. Training Educators and Learners:

Both educators and students require training to effectively utilize digital technologies. For educators, professional development programs can focus on instructional design, the use of digital tools in teaching, and the evaluation of technology's impact on learning. For students, workshops on digital literacy and effective online learning strategies can be instrumental.

3. Promoting Digital Inclusion:

Ensuring equitable access to digital resources is crucial for successful implementation. This includes providing devices, ensuring reliable internet connectivity, and addressing language or accessibility barriers. Institutions may establish loan programs for devices or collaborate with service providers to offer affordable internet solutions.

4. Encouraging Self-Regulation Skills:

Digital technologies are most effective when students are equipped with self-regulation skills. Educators can teach students how to set realistic goals, monitor their progress, and reflect on their learning. Tools like goal-setting apps, time management software, and learning analytics dashboards can support this process.

5. Utilizing Analytics for Continuous Improvement:

Educational institutions can use data analytics to monitor the effectiveness of digital technologies. Learning management systems (LMS) and other platforms often provide data on student engagement, performance, and participation. This data can inform instructional decisions, identify areas where students struggle, and guide improvements to the curriculum.

6. Creating Collaborative Opportunities:

Collaboration enhances learning outcomes by fostering critical thinking, communication, and teamwork skills. Digital platforms such as Google

Workspace, Microsoft Teams, and other project management tools enable students to work together on assignments, share resources, and provide peer feedback.

7. Fostering a Supportive Learning Environment:

A supportive environment encourages students to embrace digital tools confidently. Educators can provide guidance through regular check-ins, offer technical support, and create a culture of openness to experimentation with technology.

8. Ensuring Relevance and Engagement:

Digital tools should be engaging and relevant to students' interests and future career paths. Incorporating real-world applications, such as virtual internships, case studies, or simulations, can make learning more meaningful.

Challenges and Considerations:

While digital technologies offer significant benefits, challenges such as digital fatigue, security concerns, and the potential for distraction must be addressed. Ethical considerations, including data privacy and equitable access, should also guide the integration of digital tools in education.

Conclusion:

Digital technologies hold immense pedagogical potential for fostering self-development by providing personalized, interactive, and accessible learning

opportunities. However, their successful application requires thoughtful integration, adequate training, and a focus on inclusivity. By addressing these factors, educators can harness digital tools to empower learners in their self-development journeys and prepare them for the demands of a rapidly evolving world.

REFERENCES

1. Siemens, G. (2005). *Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age*.
2. Anderson, T. (2008). *The Theory and Practice of Online Learning*. Edmonton: AU Press.
3. Prensky, M. (2001). Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*, 9(5), 1–6.
4. Moodle Docs (2023). *Using Moodle: A Comprehensive Guide to the World's Most Popular Learning Management System*.
5. Воронов, В. В., & Шустров, А. Ю. (2020). *Цифровые образовательные платформы: возможности и вызовы*. Москва: Юрайт.
6. Chen, B., & Bryer, T. (2012). Investigating Instructional Strategies for Using Social Media in Formal and Informal Learning. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 13(1).
7. Bonk, C. J., & Graham, C. R. (2012). *The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs*. San Francisco: Pfeiffer.

УДК: 796:159. 9

Андреев Вит. В.¹

кандидат психологических наук

НГУ имени П.Ф. Лесгафта, кафедра психологии им. А.Ц. Пуни

Андреев Вл. В.²

кандидат психологических наук

НГУ имени П.Ф. Лесгафта, кафедра психологии им. А.Ц. Пуни

Ваняшкина А. Ю.³

Магистр 3 курса по кафедре психологии им. А.Ц. Пуни

НГУ имени П.Ф. Лесгафта, кафедра психологии им. А.Ц. Пуни

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СПОРТСМЕНА-ПОБЕДИТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ТАНЦЕВАЛЬНОГО СПОРТА)

Andreev Vitaly Vladimirovich¹,

¹ P.F. Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health, Russia, 190121, St. Petersburg", 35 Dekabristov str.

¹ Associate Professor of the Department of Psychology named after A.C. Puni, Andreev Vladimir Vitalievich²

² P.F. Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health, Russia, 190121, St. Petersburg", 35 Dekabristov str.

² Associate Professor of the Department of Psychology named after A.C. Puni, Vanyashkina Anna Yurievna³

³ P.F. Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health, Russia, 190121, St. Petersburg", 35 Dekabristov str.

³ Магистр 1 курса по кафедре психологии им. А.Ц. Пуни, Аннотация.

PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF A WINNING ATHLETE (USING THE EXAMPLE OF DANCE SPORTS)

[DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106.505](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106.505)

В статье представлены теоретические и практические аспекты исследования психологического портрета спортсмена-победителя на примере танцевального спорта. Представлены современные подходы

к исследованию личности спортсмена в спорте в работах А.Ц. Пуни, П.А. Рудика, Н.Б. Стамбуловой и Л.К. Серовой. Для раскрытия содержания феномена «психологический портрет» спортсмена-победителя нами была разработана авторская анкета, которая включала в себя пять блоков вопросов, которые раскрывали компоненты психологического портрета (образ «Я», самоотношение, поведение, мотивация, межличностное взаимодействие спортсменов). По результатам диагностики получили общую характеристику психологического портрета спортсмена-победителя. Проведенный корреляционный анализ показателей психологического портрета спортсмена-победителя в зависимости от спортивного звания позволил конкретизировать психологический портрет спортсмена-победителя, а контент-анализ составляющих психологического портрета спортсмена-победителя позволил уточнить полученный портрет в зависимости от спортивного звания танцора.

Annotation. The article presents the theoretical and practical aspects of studying the psychological portrait of a winning athlete using the example of dance sports. Modern approaches to the study of an athlete's personality in sports are presented in the works of A.C. Puni, P.A. Rudik, N.B. Stambulova and L.K. Serova. To reveal the content of the phenomenon of the "psychological portrait" of the winning athlete, we developed an author's questionnaire, which included five blocks of questions that revealed the components of the psychological portrait (self-image, self-attitude, behavior, motivation, interpersonal interaction of athletes). According to the diagnostic results, we obtained a general description of the psychological profile of the winning athlete. The correlation analysis of the psychological profile of the winning athlete, depending on the sports title, made it possible to specify the psychological portrait of the winning athlete, and the content analysis of the components of the psychological portrait of the winning athlete.

Ключевые слова: личность спортсмена, психологический портрет, теория личности, мотивация спортсмена, танцевальный спорт

Keywords: personality of an athlete, psychological portrait, theory of personality, motivation of an athlete, dance sports

Введение. Бальные танцы на территории Российской Федерации являются популярным видом спорта – в базе данных спортсменов Федерации танцевального спорта и акробатического рок-н-ролла (ФТСАРР) по виду спорта танцевальный спорт (ТС) числится более 43 тысяч действующих спортсменов. Поскольку профессиональный спорт направлен на достижение результата, продуктивным представляется поиск общих проявлений личности, обуславливающих успех в спорте.

В отечественной литературе личность спортсмена бальных танцев как отдельная от пары единица рассмотрена недостаточно, что делает сложным создание таких условий в тренировочном процессе, которые бы способствовали комфортному и наиболее продолжительному существованию спортсмена в танцевальном спорте и увеличению длительности его спортивной карьеры.

Анализ концепций личности отражены в работах зарубежных и отечественных психологов как Л.И. Божович [1], Л.С. Выготский [2], Г.Б. Горская [3], М.А. Камилов [4], Е.Б. Лопушанская [5], В.Р. Малкин [6], Л.Н. Рогалева [6], Л.К. Серова [7,8], Е.И. Сидоров [8], И.В. Трибунский [5], Л.Г. Чернышева [8] и др. Они отражают поиск основных источников развития личности, их отнесение к врожденным или приобретенным формам, анализ периодизации развития, изучение структуры личности спортсменов.

Проведен анализ требований, предъявляемых к спортсменам различных видов спорта, выделены психические условия, присущие танцевальному спорту как виду деятельности. Установлено, что высококлассные спортсмены, которые стабильно одерживают победы, имеют отличительные черты,

присущие только им. В связи с чем важным и рациональным является поиск схожих черт личности, объединяющих всех спортсменов-победителей.

В результате анализа понятий «успешность» и «удовлетворенность» установлено, что под спортсменом-победителем в данном исследовании мы понимаем человека, достигшего объективных, измеримых показателей, а именно высшего спортивного звания – мастер спорта (МС) и кандидат в мастера спорта (КМС).

Исходя из анализа подходов к исследованию личности спортсмена в современной психологии спорта, и охватывая основные структурные компоненты личности, для изучения психологического портрета спортсменов европейской программы бальных танцев выбран ряд параметров, каждому из которых с учетом анализа психологических особенностей танцевального спорта и набора качеств, способствующих достижению успеха в спорте в целом.

Цель и задачи исследования заключались в разработке психологического портрета спортсмена-победителя в танцевальном спорте. В соответствии с поставленной целью и предложенной гипотезой исследования были намечены следующие задачи: проанализировать понятие «психологический портрет» танцоров бальных танцев по материалам отечественной и зарубежной литературы, выделить присущие спортсменам-победителям личностные качества по результатам анализа эмпирического материала, выполнить сравнительный анализ личностных характеристик «спортсмена-победителя» и «спортсмена-разрядника» (на примере танцевального спорта) и изучить влияния уровня

спортивного мастерства на личностные характеристики спортсменов балльных танцев.

Материал и методы исследования. Исследовательская работа проводилась только на танцорах Европейской программы танцев жителей Москвы и Санкт-Петербурга, так как данные регионы являются самыми оснащенными, обладают наиболее благоприятной инфраструктурой (наличие залов для тренировок и соревнований). Это подтверждает рейтинг танцевальных клубов в поисковой системе «Ballroom.ru: Новости танцевального спорта России», где за каждого действующего спортсмена клуб получает рейтинговые очки в зависимости от его класса. Берется во внимание тот факт, что наличие максимально располагающих к развитию условий (инфраструктуры) способствует достижению спортсменами высокого уровня. Так в рейтинге 50-ти лучших клубов 56% занимают танцевальные спортивные клубы (ТСК) Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. При этом в первой десятке рассматриваемые регионы занимают 60% (Рейтинг лучших клубов / Поисковая система Ballroom.ru – URL: <https://ballroom.ru/catalog/best-club> (дата обращения: 19.12.2023)), что говорит о том, что такие регионы как Москва, Московская область и Санкт-Петербург задают тенденцию развития танцевального спорта.

Результаты исследования и их обсуждение. Общая характеристика психологического портрета спортсмена-победителя в танцевальном спорте проводилась на спортсменах со званиями МС и КМС.

ОЦЕНКА УСПЕШНОСТИ. Восемьдесят три процента (30 из 36 человек) опрошенных спортсменов считают себя успешными людьми, при этом 70% спортсменов-победителей на прямой вопрос отвечают «скорее да», а не утвердительное «да, очень похоже на меня». Это говорит о том, что респонденты имеют внутреннюю уверенность в своей значимости и признанности, однако склонны слегка сомневаться в себе, в связи с чем сохраняют мотивацию на непрерывную работу над собой, не дают себе расслабляться и останавливаться на достигнутом.

В среднем спортсмены склонны к самокритике – 64% (23 из 36 человек) опрошенных ответили, что довольно часто ругают себя. Строгое отношение к себе подталкивает спортсменов к постоянному самосовершенствованию и подстегиванию себя, для спортсменов-победителей характерно более жесткое и критичное отношение к себе.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ. 64% спортсменов-победителей (23 из 36) имеют устойчивую нервную систему и способны сохранять спокойствие в напряженной обстановке.

СТРЕМЛЕНИЮ К ЛИДЕРСТВУ. Спортсмены-победители демонстрируют максимальную ориентированность на победу, причём в любом деле – 78% опрошенных (28 из 36 респондентов) всегда хотят быть первыми в том,

что делают. Обнаружена ярко выраженная тенденцию у спортсменов-победителей к самоконтролю и обдумыванию своих поступков – 94% опрошенных (34 из 36) задумываются о последствиях перед совершением поступка.

МОТИВАЦИЯ СПОРТСМЕНОВ-ПОБЕДИТЕЛЕЙ. 97% опрошенных (35 из 36) не отказались бы от труднодостижимой цели. Спортсмены-победители готовы ставить смелые и высокие планки и соглашаются прилагать колоссальные усилия для их достижения.

ПОТРЕБНОСТЬ В ОДОБРЕНИИ. Заметно, что у респондентов «не в тренде» упоминать о своих успехах при общении – 67% опрошенных (24 из 36 человек) опрошенных ответили, что не стремятся упоминать в разговоре о своих достижениях в танцевальной карьере. Это свидетельствует о стабильной самооценке и отсутствии необходимости доказывать свою значимость в глазах других через навязчивую демонстрацию своих результатов.

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ. 72% опрошенных (26 из 36 человек) ставят перед выходом на турнир конкретные измеримые цели, однако заметим, что 10 спортсменов-победителей (28% выборки) ответили отрицательно. Спортсмены-победители склонны ставить перед собой конкретные измеримые цели и направлять свою деятельность на их достижение.

СТЕПЕНЬ ДОВЕРИЯ ТРЕНЕРУ. Спортсмены склонны безоговорочно доверять педагогу и слушать его, не вступая в конфронтацию – 94% опрошенных (34 из 36 человек) ответили, что выполняют указания тренера, не задумываясь. Это свидетельствует о высокой степени доверия своему тренеру и в некоторой степени передаче ответственности за принятие решений. Объяснить данный результаты можно тем, что спортсмены плотно работают в команде с педагогом, доверяют ему своё развитие, так как предыдущий опыт совместной работы принес свои результаты, соответственно, ожидается такой же эффект и в будущем.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С МИРОМ. 19 спортсменов-победителей из 36 опрошенных (53%) не склонны скрывать то, что думают на самом деле, при этом 56% из них (20 из 36 человек) выбрали бы скрыть своё истинное мнение в пользу ответа ради своей выгоды. Таким образом, явных тенденций в уровне аутентичности и естественности спортсменов-победителей не выявлено – равное количество тех, кто ведет себя свободно и проявляет миру своё истинное лицо, и тех, кто преследует выгоду, подстраивая под эту цель своё поведение.

КОНФРОНТАЦИЯ. 47% опрошенных (17 из 36 человек) предпочитают сразу говорить о том, что не нравится, в то время как более половины спортсменов-победителей склонны промолчать о своём неудовольствии. Следовательно, спортсмены-победители в большинстве своём предпочтут промолчать о своём неудовольствии,

чем озвучивать своё негативное мнение. Можно предположить, что в приоритет ставится выгода от взаимодействия, важность поддержания хороших отношений и приоритетность результата перед собственными ощущениями.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СПОРТСМЕНА-ПОБЕДИТЕЛЯ

И СПОРТСМЕНА-РАЗРЯДНИКА

Установлено отставание значений каждого из показателей самоотношения у спортсменов с I-ВР по сравнению со спортсменами со званиями МС и КМС: глобальное самоотношение ниже на 21%; самоуважение ниже на 19%; аутосимпатия ниже на 14%; ожидаемое положительное отношение от других отстаёт на 18% и самоинтерес проседает на 22%. Такие результаты могут быть объяснимы тем, что спортсмены с I-ВР только двигаются по своему профессиональному пути к высшим спортивным званиям, а значит, не имеют такой уверенности в себе и самоуважения, не имеют физического подкрепления и подтверждения своего профессионализма, сохраняется ощущение своей «недостаточности» с целью «двигаться вперёд».

МОТИВАЦИЯ. Наблюдается отставание уровня развития личностно-престижной мотивации с ориентацией на получение высоких социальных оценок у группы спортсменов с I-ВР на 25,5 % (38 баллов против 51) по сравнению с группой спортсменов, имеющих звания МС и КМС. Следовательно, спортсмены-победители отличаются ярко выраженной мотивированностью на успех. При этом мотивация избегания неудачи у них ниже на 5%, что говорит о более выраженной готовности спортсменов-победителей рисковать и пробовать новые подходы к тренировочному и соревновательному процессам. Уровень развития деловых коллективистских качеств личности также выше у спортсменов-победителей на 5%. Следовательно, они проявляют большую заинтересованность и способность работать на благо команды.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Спортсмены-победители в своём реальном поведении проявляют черты дружелюбия (2,0 баллов), в то время как спортсмены с I-ВР склонны проявлять агрессивность (- 0,8 баллов).

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Спортсмены-победители (имеющие звания МС и КМС) имеют более высокие показатели в сравнении со спортсменами, имеющими I-ВР, по следующим шкалам – привязанность на 11% выше, контролирование на 5% выше, игривость на 5% выше. Таким образом, спортсменов-победителей отличает потребность в чувстве принадлежности к команде (шкала «привязанность»), они более склонны к совместной работе, сотрудничеству, взаимоуважению. Следовательно, только работая в команде «тренер-спортсмены», танцоры европейской программы бальных танцев могут достигать высоких результатов. Необходимы сплочённость и доверительные отношения,

способность к которым у спортсменов-победителей и демонстрируют результаты 5-тифакторного личностного опросника.

Спортсмены-победители отличаются более развитой способностью к самоконтролю (шкала «контролирование»), склонны регулировать своё поведение усилием воли, отказываться от сиюминутных порывов ради достижения цели, проявляя настойчивость и целеустремленность, а также имеют более развитое образное мышление и более склонны к творческому проявлению (шкала «игривость»).

Сильнее выражены: общительность (10 баллов против 9), теплота (13 баллов против 11), сотрудничество (12 баллов против 11), доверчивость (10 баллов против 9), понимание (12 баллов против 11), уважение других (13 баллов против 12), ответственность (14 баллов против 12), самоконтроль (11 баллов против 10), предусмотрительность (12 баллов против 11), напряженность (9 баллов против 8), мечтательность (13 баллов против 11), сензитивность (12 баллов против 11) и пластичность (11 баллов против 10).

Слабее выражены: поиск впечатлений (9 баллов против 10), аккуратность (11 баллов против 12), депрессивность (10 баллов против 11), самокритика (9 баллов против 10).

Одинаково проявлены: активность (по 12 баллов), доминирование (по 11 баллов), привлечение внимания (по 11 баллов), настойчивость (по 13 баллов), тревожность (по 11 баллов), эмоциональная лабильность (по 10 баллов), любопытство (по 11 баллов) и артистичность (по 13 баллов).

Таким образом, спортсмены-победители отличаются более выраженной эмпатией и теплотой, дружеским отношением к ближнему, высоким уровнем ответственности, осознания и исполнения своих обязательств, а также более развитым воображением и способностью мыслить образами.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СПОРТСМЕНА-ПОБЕДИТЕЛЯ

Проведён контент-анализ ответов, полученных по результатам анкетирования, а именно ответов на открытые вопросы, которые отражают содержание когнитивного компонента Я-концепции: «Что я думаю о себе?», «Что я думаю о танцах?» «Что я думаю об успехе и победе?»

1. Для спортсменов-победителей танцы являются возможностью выразить себя, свои чувства, самореализоваться, являются способом, образом и делом жизни. Часто фигурируют слова «смысл», «искусство», «творчество», «рассказ», «чувства», «эмоции». Следовательно, спортсмены-победители видят главным в танцах для себя творческую составляющую, относятся к своему делу не просто как к функциональному занятию, но ценят художественную составляющую вида спорта – их внутренний мир находит отражение в их деятельности. Спортсмены-разрядники

воспринимают танцы как образ и дело жизни, как неотъемлемую её часть, как любимое дело и как удовольствие, однако у них не выражено, в отличие от спортсменов-победителей, отношение к танцам как способу передачи своего внутреннего мира зрителю, нет важности творческой составляющей.

2. Для спортсменов-победителей победа помимо результата представляется преодолением себя, каких-либо своих ограничений и достижением цели. Спортсмены-разрядники воспринимают ПОБЕДУ аналогично как результат, но отличительно как любое изменение своих результатов – считают любое движение вперед уже личной победой, чего нельзя сказать о спортсменах-победителях.

3. Для спортсменов-победителей УСПЕХОМ является, в первую очередь, достижение поставленных целей, чувство удовлетворения от результата и наличие видимого итога приложенных усилий. Спортсмены-разрядники под успехом понимают прежде всего признание своих достижений другими людьми, и только следом собственное ощущение удовлетворенности.

Таким образом, если в восприятии собственного успеха спортсмены-победители больше ориентированы на внутренние установки «внутри себя» – на собственные ощущения и субъективную оценку своих действий, то спортсмены-разрядники оценивают свой успех, опираясь на внешние оценки.

4. ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА УСПЕХА СПОРТСМЕНА. Для спортсменов-победителей главными причинами достижения успеха видятся дисциплина, упорство, трудолюбие, любовь к своему делу. Спортсмены-разрядники главными причинами успеха помимо дисциплины и труда видят важность таланта и наличия стечения обстоятельств – опять же, наблюдаем ориентир на поиск причин вовне, в то время как спортсмены-победители главные причины успеха видят в собственных проявлениях.

5. Слагаемых УСПЕШНОГО спортсмена. По мнению спортсменов-победителей успешного человека, отличают трудолюбие, дисциплина, упорство, любовь к своему делу, а также уверенность в себе, желание, вера, мотивация, характер, терпение. Спортсмены-разрядники приписывают успешному человеку такие качества как трудолюбие, упорство, ответственность, целеустремленность, важное место отводят наличию таланта, который спортсмены-победители как качество, способствующее достижению успеха, даже не упоминают.

6. Среди своих сильных качеств, которые в себе нравятся, спортсмены-победители называют трудолюбие, ответственность, упорство, а также важное значение отводят эмоциональности, искренности, открытости, энергии, доброте, самообладанию и оптимизму. Спортсмены-разрядники довольны такими своими сильными качествами как ответственность, общительность, осознанность, умение выстраивать причинно-

следственные связи, трудоспособность, любопытность, терпеливость.

7. Спортсмены-победители среди качеств, которые им в себе не нравятся, выделяют лень, неуверенность, вспыльчивость, несобранность, тревожность, иногда излишнюю застенчивость и перфекционизм. Спортсмены-разрядники своими слабыми качествами видят в основном недостаток тех или иных качеств, а не их наличие. В числе недостающих качеств числятся дисциплина и терпение. Также выделяют «упертость», эгоцентризм, хамство, бескомпромиссность наряду с мягкостью и гиперэмоциональностью. Спортсмены-победители называют меньше качеств, характеризующих негативное и жесткое взаимодействие с людьми – их слабые стороны, скорее, сосредоточены на их отношении с собой и собственном проявлении, не затрагивающем других людей.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СПОРТСМЕНА-ПОБЕДИТЕЛЯ В СТРУКТУРЕ Я-КОНЦЕПЦИИ

1. КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ. Для спортсменов-победителей танцы являются возможностью выразить себя, свои чувства, самореализоваться, являются способом, образом и делом жизни. Главным для себя в танцах они видят творческую составляющую, относятся к своему делу не просто как к функциональному занятию, но ценят художественную составляющую вида спорта – их внутренний мир находит отражение в их деятельности. Спортсмены-победители относятся к танцам как к способу передачи своего внутреннего мира зрителю в противовес спортсменам-разрядникам, которые не выделяют важность творческой составляющей.

Для спортсменов-победителей победа помимо результата представляется преодолением себя и каких-либо своих ограничений, достижением конкретной цели, в то время как разрядники любое движение вперед уже считают личной победой.

Для спортсменов-победителей успехом является, в первую очередь, достижение поставленных целей, чувство удовлетворения от результата и наличие видимого итога приложенных усилий. В восприятии собственного успеха спортсмены-победители больше нацелены внутрь себя – на собственные ощущения и субъективную оценку своих действий, а не на внешние оценки как спортсмены-разрядники.

Главными причинами достижения успеха они видятся в дисциплине, упорстве, трудолюбии, в любви к своему делу, а также значимо – уверенность в себе, желание, вера, мотивация, характер, терпение. Главные причины успеха они видят в собственных проявлениях, а не ищут причины вовне подобно спортсменам-разрядникам. Наличие таланта как качество, способствующее достижению успеха, спортсмены-победители даже не упоминают.

Среди своих сильных качеств, которые в себе нравятся, спортсмены-победители называют

трудолюбие, ответственность, упорство, а также важное значение отводят эмоциональности, искренности, открытости, энергии, доброте, самообладанию и оптимизму, в то время как спортсмены-разрядники делают упор на волю, когнитивные способности и логику.

Спортсмены-победители среди качеств, которые им в себе не нравятся, называют меньше качеств, характеризующих негативное и жесткое взаимодействие с людьми (упертость, эгоцентризм, хамство, бескомпромиссность) – их слабые стороны, скорее, сосредоточены на их отношении с собой и собственном проявлении, не затрагивающем других людей (лень, неуверенность, вспыльчивость, несобранность, тревожность, иногда излишняя застенчивость и перфекционизм).

2. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ. У спортсменов с I-ВР по сравнению со спортсменами со званиями МС и КМС глобальное самоотношение ниже на 21%; самоуважение ниже на 19%; аутосимпатия ниже на 14%; ожидаемое положительное отношение от других отстаёт на 18%; самоинтерес проседает на 22%. Наибольшее различие проявилось по показателю самоотношения, а значит, спортсменам с I-ВР следует больше внимания уделять изучению себя как танцора и как личности – узнавать свои сильные и слабые стороны для выстраивания стратегии собственного развития.

3. ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ. Спортсмены-победители в своём реальном поведении проявляют черты дружелюбия, в то время как спортсмены с I-ВР склонны проявлять агрессивность. Спортсмены-победители отличаются более развитой способностью к самоконтролю, склонны регулировать своё поведение усилием воли, отказываться от сиюминутных порывов ради достижения цели, проявляя настойчивость и целеустремленность, а также имеют более развитое воображение, способны мыслить образами и более склонны к творческому проявлению.

4. МОТИВАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ. Спортсмены-победители на 25,5% более ориентированы на получение высоких социальных оценок. Следовательно, спортсмены-победители отличаются ярко выраженной мотивированностью на успех. При этом мотивация избегания неудачи у них ниже на 5%, что говорит о более выраженной готовности спортсменов-победителей рисковать и пробовать новые подходы к тренировочному и соревновательному процессам. Уровень развития деловых коллективистских качеств личности также выше у спортсменов-победителей на 5% – они проявляют большую заинтересованность и способность работать на благо команды.

5. КОММУНИКАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ. Уровень привязанности у спортсменов-победителей на 11% выше по сравнению со спортсменами-разрядниками. Спортсменов-

победителей отличает потребность в чувстве принадлежности к команде, они более склонны к совместной работе, сотрудничеству, взаимоуважению. Спортсмены-победители отличаются более выраженной эмпатией и теплотой, дружескому отношению к ближнему, высоким уровнем ответственности.

Выводы (Заключение).

1. В ходе проведенного исследования был проведен анализ личностных качеств танцоров европейской программы бальных танцев различного уровня спортивного мастерства, на основе которого был разработан психологический портрет спортсмена-победителя в танцевальном спорте – выделены общие и отличительные личностные качества.

2. Корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена показал, что с возрастанием уровня спортивного мастерства (спортивного звания) возрастает класс мастерства, самоуверенность, выраженность самоинтереса, а также уровень ответственности и артистичности, при этом снижается чувство неполноценности и степень стремление к лидерству (под которым понимается доминирование в поведении – желание быть всегда первым).

Список литературы

1. Божович Л.И. О культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и ее значении для современных исследований психологии личности // Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.; Воронеж, 1995.
2. Выготский Л. С. Лекции по психологии. М.: Перспектива, 2018. - 148 с.
3. Горская Г. Б. Психологическая теория спортивной деятельности: актуальные направления развития // Теория и практика физической культуры. – 1999. – № 5. – С. 53-56.
4. Камиллов М.А. Личностные качества, определяющие успешность спортсмена // Московский инновационный университет, г. Москва С. 138-142.
5. Лопушанская Е.Б., Трибунский И.В. Психологические аспекты спортивно-танцевальной деятельности на примере спортивных бальных танцев // Научный лидер. – 2021. – № 24 (26).
6. Малкин В.Р. Психология спорта: учебное пособие / В.Р. Малкин, Л.Н. Роголева. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. 274 с.
7. Серова Л. К. Психология личности спортсмена: учебное пособие для вузов / Л. К. Серова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 124 с.
8. Серова Л.К., Чернышева Л.Г., Сидоров Е.И. Психологическая характеристика танцевального спорта // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2019. – № 1 (167). С. 393-397.

Маликова М.Г.,
кандидат педагогических наук,
доцент Московского городского педагогического
университета

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: РОЛЬ ТЕЛЕГРАМ-БОТОВ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106.508

Аннотация. В данной работе анализируется влияние современных цифровых технологий на развитие речевого этикета в процессе иноязычного образования, ориентированного на применение автоматизированных помощников (телеграмм ботов) в рамках эффективного развития современных информационных технологий, а также трансформаций коммуникационных практик в языковой этикет и является основным аспектом в процессе изучения иностранных языков.

Ключевые слова: образовательный процесс, цифровые технологии, методы обучения, интерактивное обучение, иноязычное образование.

Введение

Целью научной работы является определение, а также подробный анализ роли автоматизированных помощников или ботов в развитии речевого этикета в международном образовании, в рамках цифровых технологий, данные исследования ориентированы на анализе актуальных возможностей, которые предоставляют автоматизированные помощники или боты для процесса моделирования ситуации общения, а также процесса обучения нормам и правилам этикета, в том числе анализ влияния на гибкость образовательного пространства.

Методика данного исследования включает в себя применение *Telegram ботов*, которые на сегодняшний день являются интерактивным ресурсом для процесса общения на иностранном языке. Автоматизированные помощники могут активно воспроизводить сценарий коммуникации, также осуществляют проверку на употребление словосочетаний и выражений, в том числе и предлагают поддержку обратной связи, что в свою очередь способствует эффективному развитию коммуникативных навыков в рамках осуществления коммуникации на иностранном языке, а также повышают уровень мотивации учеников. В процессе, обучающиеся увереннее применяют иностранный язык (английский) в цифровой среде.

Материалами данного исследования послужили цифровые инструменты и ресурсы, как например автоматизированные помощники (чат боты и телеграмм боты), которые обеспечивают эффективное взаимодействие, а также помогают усваивать устойчивые выражения иностранного языка, а также практиковаться, в процессе развивая навыки общения. Автоматизированные помощники играют также определяющую роль в развитии современных речевых форм.

На сегодняшний день цифровая эра захватила последние 20 лет, кардинально изменив как способы получения информации, так и передачи, в том числе методы и приемы к процессу обучения [4].

Стремительное появление новейших технологий, а также онлайн платформ приводит к

изменениям традиционных учебных методов, открывая актуальные перспективы для обучающихся и преподавательского состава [1].

На сегодняшний день наиболее заметным является применение GPS чатов, а также автоматизированных помощников или так называемых чат ботов в процессе обучения. Автоматизированные помощники, в том числе стали наиболее популярным ресурсом, который предоставляет возможность адаптировать процесс обучения в реальную жизнь обучающихся [2].

Иноязычный процесс обучения, как правило, требует знания грамматических структур, а также лексического запаса в скобках (вокабуляра), в том числе и умения эффективно взаимодействовать в разных ситуациях общения [11]. Речевой этикет является важной частью любого языка, иностранный язык не является исключением. Этикет является культурной нормой современного общества [3].

В рамках глобальной цифровизации речевого этикета получает иные формы цифрового общения (различные сокращения, а также применение эмодзи, формулы для обращения к индивиду), которые требуют от обучающихся универсальности и мобильности на данном этапе [6].

Применение автоматизированных ботов в процессе иноязычного обучения предоставляет актуальную возможность в практической деятельности, использование речевого этикета, делает данную среду более безопасной, а также интерактивной [10]. Чат-боты могут воспроизводить и симулировать различные сценарии коммуникации, а также предоставлять поддержку обратной связи, в том числе помогая обучающимся изучать нормы речевого общения, вежливых форм обращения и т.д. [7].

«Для работы с текстом, созданным чат ботом, можно использовать следующие виды заданий:

1. Прочтите текст, найдите все фразовые глаголы и подчеркните их.
2. Выпишите фразовые глаголы в форме словосочетаний (глагол + существительное).
3. Расширьте список существительных, которые могут сочетаться с данными фразовыми

глаголами. Например: put forward a hypothesis / a plan / an idea / a proposal» [5: с. 1472].

Кроме того, глубокий анализ значения Telegram ботов не только в развитии речевого и этикета, но и в жизни человека является достаточно актуальным и основным направлением в исследовании инновационных методов процесса обучения иностранным языкам на данном этапе [5].

«Формирование продуктивных навыков при помощи заданий, созданных чат ботом. Одним из вариантов задания может быть проведение ролевой игры по ситуации:

Scenario: You are planning a trip with your friends to a new city. However, you have never been there before and need to do some research and planning before the trip. Discuss your plans with two other students who are planning to go on a trip with you. Phrasal verbs to practice:

1. Look up – to search for information in a book or on the Internet.
2. Check out – to investigate or look at something.
3. Figure out – to solve or understand something.
4. Set up – to arrange or organize something.
5. Fill out – to complete a form or document with necessary information.

Как видно из приведенных примеров вариантов заданий, создаваемых чат-ботом, их вариативность позволяет решать задачи различного уровня сложности» [5: с. 1473].

В научной работе автор анализирует влияние автоматизированных помощников на развитие речевого этикета обучающихся, подробно рассматривает примеры эффективного использования данных технологий в учебных заведениях на современном этапе [8].

Рассмотрим эффективные примеры

Example 1. Greeting. Good afternoon, I am your chat bot for learning a foreign language. How can I help you?

Example 2. Farewell. Goodbye. If you have any questions, please contact me.

Example 3. Please, select the necessary block for learning a foreign language (English).

Example 4. What is your question?

Example 5. Was the information useful for you?

Example 6. Don't worry. Everything will work out. Continue learning. Good luck!

Example 7. The response time is limited.

Example 8. Please select your level.

Example 9. We have completed the lesson! [9].

Выводы

На сегодняшний день автоматизированные помощники в скобках чат боты играют важную роль в процессе адаптации к современным формам коммуникации, которые обеспечивают интерактивными сценариями, а также предлагают поддержку обратной связи на данном этапе, способствуют формированию навыков иноязычной коммуникации. Применение данных инструментов повышает уровень мотивации обучающихся, а также предоставляет возможность ученикам использовать и иностранный язык в различных

ситуациях (на практике) следовательно, автоматизированные помощники (чат боты) на современном этапе являются эффективным способом для изучения речевого этикета в контексте цифрового пространства.

Заключение

На сегодняшний день речевые нормы общения приобретают уникальные формы, а автоматизированные помощники (чат боты) являются основным ресурсом в процессе иноязычного образования, которые обеспечивают эффективное взаимодействие, а также помогают в процессе обучающимся развивать коммуникативные навыки на практике.

Применение инновационных технологий не только повышает уровень мотивации обучающихся в применении иностранного языка в ситуациях повседневного общения, но и способствует развитию коммуникативных компетенций на современном этапе.

Дальнейшие перспективы

Перспективы дальнейших исследований могут состоять из адаптации искусственного разума для индивидуализации процесса обучения, а также интеграции данного контента в соответствии с запросами обучающихся (в соответствии с их уровнем) в процессе автоматизированных помощники развиваются, когда представляют более активное взаимодействие, также повышается уровень иностранного языка обучающегося.

Таким образом, применение игровых моделей в процессе обучения посредством автоматизированных помощников может повысить уровень вовлеченности учеников, а также сделать данный процесс наиболее интересным и интерактивным, способствует развитию коммуникативных и когнитивных навыков, которые являются важными для речевого акта в условиях мировой интеграции.

Литература

1. Авраменко, А. П. Технология чат-ботов как средства формирования иноязычной грамматической компетенции при самостоятельном обучении / А. П. Авраменко, А. С. Ахмедова, Е. Р. Буланова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 386-394. – DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-2-386-394. – EDN ABFJQP.
2. Алехин Р.Ю., Воронина И.Е. Анализ применимости нейросетей для разработки чат-ботов и диалоговых систем // Актуальные проблемы прикладной математики, информатики и механики: сб. тр. Междунар. науч. конф. Воронеж: Изд-во «Науч.-исследов. публикации», 2020. С. 499-501. URL: <https://elibrary.ru/hnogll> (дата обращения: 22.10.2024).
3. Баранова Т.А., Воронцова Е.В., Гришина А.С. Опыт использования технологии чат-бот при обучении иноязычной лексике студентов младших курсов неязыковых специальностей (на примере СПбПУ) // Вопросы современной филологии и

проблемы методики обучения языкам: сб. науч. ст. по итогам 7 Междун. науч.-практ. конф. Брянск: Изд-во БГИТУ, 2019. С. 266-271. URL: <https://elibrary.ru/hnquyq> (дата обращения: 22.10.2024).

4. Жеребцова Ю.А., Чижик А.В. Сравнение моделей векторного представления текстов в задаче создания чат-бота // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 3. С. 16-34. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-3-16-34>, URL: <https://elibrary.ru/guctcc> (дата обращения: 22.10.2024).

5. Лобеева П.И. Дидактический потенциал использования чат-ботов при изучении фразовых глаголов английского языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 6. С. 1467-1476. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-6-1467-1476>

6. Сысоев П.В. Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 6-16.

URL: <https://elibrary.ru/qfmzhw> (дата обращения: 22.10.2024).

7. Харламенко И.В. Чат-боты в обучении английскому языку // Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 55-59. URL: <https://elibrary.ru/lebneu> (дата обращения: 22.10.2024).

8. Gong Y., Chung Yu-An., Glass G.R. Ast: Audio spectrogram transformer // Proceedings Interspeech. 2021. P. 571-575. <http://dx.doi.org/10.21437/Interspeech.2021-698>

9. Lohrenz T., Li Zh., Tim F. Multi-Encoder Learning and Stream Fusion for Transformer-Based End-to-End Automatic Speech Recognition // Proceedings Interspeech. 2021. P. 2846-2850. <http://dx.doi.org/10.21437/Interspeech.2021-555>

10. Ristea N.C., Ionescu R.T., Khan F.S. SepTr: Separable Transformer for Audio Spectrogram Processing // arXiv preprint arXiv:2203.09581, 2022. 5 p. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2203.09581>

11. Wang H., Wu H., He Zh., Huang L., Kenneth Ward Church. Progress in Machine Translation // Engineering. 2022. Vol. 18. Issue 11. P. 143-153. <http://dx.doi.org/10.1016/j.eng.2021.03.023>

УДК 341.4

Salimova Leyla Kamil gizi

Doctor of Philosophy in Law,

Lecturer at the Department of International Public Law,

Baku State University

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ ЗА ГЕНОЦИД В НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДАХ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106.507

Аннотация. В настоящее время противодействие геноциду осуществляется как на уровне международных судебных инстанций, так и в рамках деятельности судов самих государств. В этом аспекте актуальным является не только развитие деятельности международных судебных инстанций в области привлечения к ответственности и назначения сурового наказания виновным за совершение геноцида лицам, но и активное вовлечение внутригосударственных судебных инстанций к осуществлению правосудия в отношении участвовавших в актах геноцида лиц на основе универсальной юрисдикции.

Abstract. Currently, counteraction against genocide is carried out both at the level of international judicial bodies and within the framework of the activities of the courts of the states themselves. In this aspect, it is relevant not only to develop the activities of international judicial bodies in the field of bringing to justice and imposing severe punishment on those guilty of committing genocide, but also to actively involve domestic judicial bodies in the administration of justice in relation to those who participated in acts of genocide on the basis of universal jurisdiction.

Ключевые слова: геноцид, суд, правосудие, преступление, преследование, наказание, юрисдикция.

Keywords: genocide, court, justice, crime, prosecution, punishment, jurisdiction.

В современный период национальные судебные органы могут рассматривать преступление только в том случае, если существует связь между их страной и преступлением. Однако в соответствии с принципом «универсальной юрисдикции» национальные суды могут рассматривать некоторые из самых тяжких преступлений, независимо от места их совершения, гражданства подозреваемых или их жертв. Дела, возбужденные в соответствии с этим принципом, становятся все более важной частью международных усилий по привлечению к ответственности виновных в зверствах, обеспечению справедливости для жертв, которым

больше некуда обратиться, предотвращению будущих преступлений и содействию тому, чтобы страны не стали убежищами для нарушителей прав человека. В некоторых странах в рамках правоохранительных органов и прокуратуры созданы специализированные подразделения по военным преступлениям, занимающиеся расследованием тяжких международных преступлений, совершенных за рубежом, включая геноцид.

Так, в некоторых из этих стран прошло много лет, прежде чем начались судебные процессы над подозреваемыми из Руанды. Но с 2001 года несколько стран судили подозреваемых в геноциде

из Руанды, включая Бельгию, Канаду, Финляндию, Францию, Германию, Нидерланды, Норвегию, Швецию и Швейцарию. Для некоторых это были первые случаи геноцида, рассмотренные в их национальных судах. Уголовные расследования в отношении других подозреваемых в геноциде из Руанды все еще продолжаются в нескольких странах, включая Францию и Бельгию.

Следует также отметить, что производство в любой разновидности судов по делам о совершении преступления геноцида имеет недостатки. Так, «отнесение дел о геноциде к юрисдикции национальных судов иногда приводит к злоупотреблениям с самим понятием «геноцид»¹. Так, его бесосновательное применение для обозначения умышленных убийств без наличия характерных для геноцида признаков является ошибочным, приводит к игнорированию его исключительной опасности, ведет к «девальвации» данного понятия. Наряду с этим, как правильно пишет С.М.Кочои, «попытки квалифицировать сегодня как геноцид уничтожение национальных или религиозных групп, имевшее место задолго до ее принятия, до появления в международном праве самого понятия «геноцид» ... неправомерны (тем более что Конвенция обратной силы не имеет). Эти факты должны быть квалифицированы по законам, действовавшим на момент их совершения»². Кроме того, национальные суды иногда бывают не готовы, либо не способны эффективно функционировать в данной области по ряду причин. Порой в самом государстве, где исторически очень сильны националистические идеи и настроения отсутствует политическая воля осуществлять судебное преследование своих собственных граждан за совершение данного преступления.

Неэффективность деятельности национальных судов может быть обусловлена и тем, что судебная система в соответствующей стране из-за сложной политической ситуации может быть фактически парализована и находится в полной зависимости от органов исполнительной власти. Ярким примером предвзятости национальных органов судопроизводства, точнее полное отсутствие независимости в условиях послевоенного внешнего и внутреннего общественного давления и диктата исполнительной власти может служить и практика Турции в отношении судебного преследования преступлений, совершенных в нарушение положений принятого Закона о переселении от 27 мая 1915 года. Так, военный суд, созданный 16 декабря 1918 года, начал свое первое судебное разбирательство 6 февраля 1919 года с дела о

переселении из Йозгата. До начала этого дела на новое послевоенное правительство Турции оказывалось колоссальное внешнее давление со стороны стран-победителей и великий визирь Тевфик-паша был настолько потрясен этим вмешательством, что поднял вопрос о приглашении группы судей из Швеции, Нидерландов, Испании и Дании для изучения этих событий, чтобы выявить виновных. Однако британцы, которые намеревались осудить Османскую империю в международном суде, не позволили независимым судьям приехать в страну, поскольку боялись, что эти иностранные судьи раскроют правду, иными словами, докажут, что Османская империя не несет никакой ответственности за армянский вопрос, как то утверждали союзные державы³.

Трагический опыт деятельности послевоенных специальных судов Турции доказывает, что обеспечение беспристрастности в национальных судах по делам о совершении тяжких преступлений требует в первую очередь принятия во внимание внешнеполитической и внутрисударственной ситуации при учреждении и деятельности таких судов (сразу же после совершения убийств и других тяжких преступлений или по происшествии многих лет), при каком правительстве они функционируют (той, которая находилась у власти в момент совершения массовых убийств, или новой, пытающейся очернить деятельность предыдущее руководство страны в угоду своих политических целей), международно-правовое положение страны, где были совершены убийства (т.е. оценка возможностей страны обеспечить независимое от внешнего и внутреннего давления независимое и объективное судопроизводство). Только лишь в условиях наличия вышеуказанных обстоятельств можно добиться наказания действительных преступников и оправдания оклеветанных лиц.

Следует также отметить, что в отличие от практики конца второй мировой войны, т.е. практики учреждения международных трибуналов, в тот период государства-победительницы сосредоточили свои усилия на судебном процессе над ответственными за армянский вопрос в рамках внутреннего законодательства Османской империи, поскольку считали это более выгодным с точки зрения достижения своих геополитических целей. Это связано с тем, что правительства Османской империи могли изменять внутреннее законодательство по своему желанию или могли легко принять необходимые меры в соответствии с запросами держав-победителей⁴.

¹Kelly, M.J. Nowhere to Hide: Defeat of the Sovereign Immunity Defense for Crimes of Genocide and the Trials of Slobodan Milosevic and Saddam Hussein. Teaching Texts in Law and Politics. - Vol. 41. - New York: Peter Lang Publishing Inc., - 2005. - p. 150.

²Кочои, С.М. Геноцид: понятие, ответственность, практика // Уголовное право. - 2001. - № 2. - с. 95-96.

³Bilal Ş.N. Malta Sürgünleri. – Ankara. - 1995. - s.61.

⁴Ata F. The 1919-1920 Trials for the Forced Relocation of Armenians. [Electronic resources]. URL: <https://turksandarmerians.marmara.edu.tr/en/the-1919-1920-trials-for-the-forced-relocation-of-armenians/>

Несомненно, во время этого переселения имели место нарушения, хотя Османское государство посредством положений принятых законодательных актов приняло все меры предосторожности в отношении переселенных лиц. Некоторые из переселенных лиц погибли в результате нападений, а некоторые погибли по таким причинам, как болезни или дорожные условия. Примечательно, что правительство, принявшее решение о переселении определенной категории своих подданных, не хранило молчание по поводу этих инцидентов. Напротив, достоверные документы того периода удостоверяют как власти жестко наказывали тех лиц, что кто причинял вред переселенным в судах, созданных в период с 1915 по 1916 годы⁵.

Если сравнить судебные процессы, организованные в период осуществления переселения, и судебные процессы, происходившие спустя 3-4 года после данного мероприятия, то можно убедиться в том, что правительство в период переселения действительно вело борьбу с теми, кто нарушил предписания закона о переселении, а новое послевоенное правительство шло на поводу западных покровителей армян и уступило давлению стран-победителей. Так, до середины 1916 года среди 1673 человек, арестованных военным судом за нарушения законодательных положений относительно переселения, число солдат, полицейских и членов Специальной организации составляет 528 человек. Среди них были лица с такими званиями, как майор, капитан, старший лейтенант, лейтенант жандармерии, командир роты, комиссар полиции и полицейский. Кроме того, из них 170 человек были государственными служащими, такими как санитарный управляющий, сборщик налогов, губернатор района, мэр, управляющий районом, клерк, диспетчер, менеджер по товарам, инспектор земельного кадастра, староста, менеджер телеграфа, сотрудник органа записи актов гражданского состояния, главный секретарь и руководитель Комиссии по брошенному имуществу, а 975 лиц были членами банд и представителями общественности, которые пытались вымогать и нападать во время армянской перевозки, и поэтому были переданы в Военный суд для привлечения к уголовной ответственности. Эти люди, переданные в военный суд, были осуждены за убийство, причинение ущерба имуществу армян, кражу, вымогательство денег и товаров, взяточничество, грабежи и карманные кражи, несанкционированный брак с армянскими девушками и злоупотребление служебным положением.

Наказания, наложенные по результатам этих судебных процессов, проходивших в Военном суде до середины 1916 года были суровыми, о чем свидетельствуют обвинительные приговоры, по которым 67 человек были приговорены к смертной казни, а 524 человек к лишению свободы.

Если проанализировать меры и судебные процессы, предпринятые во время переселения и расселения армян, то можно удостовериться, что центральная администрация Османской империи приняла необходимые меры для обеспечения безопасности жизни и имущества армян, а также наказала государственных чиновников, действовавших незаконно и подвергших их издевательствам в провинциях, а также граждан, участвовавших в бандитских группировках. В этой связи утверждение фальсификаторов о том, что Османское правительство изначально умышленно стремилось к уничтожению или массовой резне армян не уживается с фактами относительно деятельности этого же правительства в отношении обеспечения безопасности жизни переселенцев, увольнения и наказания государственных чиновников, совершивших преступления не находит подтверждения⁶.

Обеспечение беспристрастности производства в национальных судах по делам о совершении тяжких преступлений также требует учета доводов не только правительственных инстанций, учредивших эти внутренние военные суды, но и доводов подсудимых и их адвокатов. К сожалению, современные исследователи и политики при даче правовой оценки трагических событий 1915 года в своих выводах о беспристрастности этих судов опираются лишь на армянские источники и сведения западных фальсификаторов. Между тем, для правильного понимания всего произошедшего необходимо как минимум поднять турецкую прессу того времени, а не опираться на растиражированные фальсификаторами копии документов, действительность которых более чем сомнительна.

Так, в одном таких судебных процессов против бывшего губернатора округа Богазлыян Мехмет Кемаль-бея сторона защита заявила, что армяне восстали против государства и уничтожили турецкий народ, что события, произошедшие во время исполнения закона о переселении определенно не были направлены на уничтожение армян, что подсудимые выполнили свой долг, ограничив восстание армян, и что эти банды все еще находятся в этом регионе⁷.

Важным с юридической точки зрения является и то, что в этом самом процессе сторона обвинения и пристрастный военный суд не смогли добиться

⁵Sarınay Y. Ermeni Tehciri Sırasında Alınan Tedbirler ve 1915-1916 Yargılamaları / “Ermeni Soykırımı İddiaları” Derleyen: Mustafa Çalık, - Ankara. – 2013. - s. 218.

⁶Sarınay, Y. Ermeni Sevk Kararını İhlal Eden Görevlilerin Divan-ı Harp’te Yargılanmaları.

[Electronic resources]. URL: <https://turksandarmenians.marmara.edu.tr/tr/ermeni-sevk-kararini-ihlal-eden-gorevlilerin-divan-i-harpte-yargilanmalari/>

⁷ Hâdisât, 8 Nisan 1919.

осуждения подсудимых по ранее предъявленному обвинению по статье 56 Уголовного кодекса Турции. Однако незаконность судебного процесса и политическая подоплека вопроса сделали приговор и исполнение приговора по этому делу продуктом «политики жертв» тогдашнего правительства Турции, осуществившей такие показательные процессы ради прекращения негативной атмосферы, возникшей после ее поражения в войне⁸.

Заслуживающими внимания являются доводы адвоката осужденного к смертной казни бывшего губернатора округа Богазлыян Мехмет Кемаль-бея, который вначале объяснил историю армянского вопроса и заявил, что переселение было осуществлено в соответствии со специальным законом и, что во время переселения были совершены нападения, но это не имело никакого отношения к Кемаль-бею. Он заявил, что статья 56 Уголовного кодекса, которая была использована в качестве основания для наказания его подзащитного, включала вооружение сторон и их убийство, тогда как во время переселения такого не произошло. Он также заявил, что соответствующая статья предусматривала взаимное уничтожение путем умышленного причинения вреда, тогда как переселение осуществлялась в соответствии с законом и порядком, и соблюдение закона было обязательным⁹.

Пристрастность этого военного суда можно обосновать и последними словами Кемаль-бея перед приведением в исполнение его смертного приговора. Когда осужденного спросили о его последних словах, он подчеркнул, что выполнил приказ, полученный им как турецкий офицер, что у него чистая совесть и он невиновен, и сказал: «Меня вешают, чтобы угодить иностранным государствам. Если они называют это правосудием, долой это правосудие!»¹⁰

Следует отметить, что в 60-70-х годах XX века, т.е. в период отсутствия постоянного международного уголовного суда, израильские суды расширили сферу применения Конвенции 1948г., указав, что международное обычное право не запрещает национальным судам рассматривать дела о геноциде, и осудили Адольфа Эйхмана за совершение этого преступления. В 1961 году Окружным судом Иерусалима он был признан виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и действиях, приравняемых к геноциду, совершенных в Германии и других странах во время второй мировой войны. Материально-правовую основу данного уголовного дела составил Закон «О

нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» 1950 года. Примечательно, что этот Закон, «в отличие от конвенционной модели преступного намерения геноцида, заключавшегося в уничтожении полностью или частично национальной, этнической, расовой или религиозной группы, не используя термина геноцида, аккумулировал соответствующие деяния, предусмотрев намерение уничтожения полностью или частично лишь еврейского народа»¹¹.

29 мая 1962 года Верховный суд Израиля подтвердил осуждение Адольфа Эйхмана Окружным судом Иерусалима в декабре 1961 года за преступления против человечности, военные преступления и преступления против еврейского народа (геноцид) во время второй мировой войны. Это судебное решение стало первым делом универсальной юрисдикции. Следует отметить, что указанный суд над Адольфом Эйхманом был плохо воспринят некоторыми специалистами уголовного права, которые утверждали, что он искажил закон в нескольких ключевых областях. Однако с возрождением международного уголовного права в последние десятилетия было продемонстрировано, что решение сложных вопросов Окружным судом Иерусалима и Верховным судом Израиля прошло довольно успешно.

Понимание связи между преступлениями против человечности и геноцидом израильскими судами и их реакция на обвинения в ретроактивной преступности, на последствия похищения людей и на заявления о том, что суду не хватало беспристрастности, также выдержали испытание временем. Возможно, самым важным последствием было то, что приговор по делу Адольфа Эйхмана фактически продвинул закон вперед в вопросе универсальной юрисдикции, фактически отстранив узкие юрисдикционные рамки, установленные Конвенцией о геноциде 1948 года.

Приговор по делу Адольфа Эйхмана, вызвав много споров в то время, когда оно было вынесено, содержит много нюансов и сегодня имеет огромное значение для мира. Приговор является убедительным подтверждением прочной основы международного права - универсального права юрисдикции как важнейшего инструмента международного сообщества для достижения справедливости. В нем были сформулированы некоторые важные процессуальные аспекты этой формы юрисдикции и неуместность некоторых препятствий для судебного преследования, которые национальным судам следует учитывать и сегодня. В указанном деле также подтверждается

⁸Bilgi, N. Yozgat Tehciri Davası ve Kemal Bey [Electronic resources]. URL: <https://turksandarmanians.marmara.edu.tr/tr/yozygat-tehciri-davasi-ve-kemal-bey/>

⁹Bilgi, N. Ermeni Tehciri Ve Boğazlıyan Qaymaqamı Mehmed Kemal Beyin Yarqılanması. – Ankara. – 1999. - s.145.

¹⁰Tasvir-i Efkâr, 11 Nisan 1919.

¹¹Сафаров, Н.А. Правосудие от имени шести миллионов обвинителей: дело «The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann» в контексте международного права // Московский журнал международного права, - 2021. №4, - с.84.

верность позиции, в соответствии с которым государства могут принимать законы, определяющие преступления по международному праву как преступления в своих уголовных кодексах, применять их ретроспективно, при условии, что поведение было преступным по международному праву в момент его совершения. Однако, в деле Адольфа Эйхмана есть и некоторых вопросы, такие как похищение подозреваемых через национальные границы, применение смертной казни, которые не выдержали испытания временем¹².

Четверть века спустя после осуждения Адольфа Эйхмана за подобные же преступления, совершенные на территории Польши, был привлечен к уголовной ответственности Иван Демьянюк. В решении по его делу, вынесенному в 1985 г., утверждалось, «тот факт, что государства Израиль не существовало, когда И.Демьянюк предположительно совершил преступления, не является препятствием для осуществления Израилем юрисдикции в соответствии с принципом универсальности. При рассмотрении этой юрисдикционной посылки ни гражданство обвиняемого или жертвы (жертв), ни место совершения преступления не имеют значения. Основное предположение состоит в том, что преступления являются преступлениями против законов наций или против человечности, и что государство, осуществляющее преследование, действует от имени всех наций. Действуя подобным образом, Израиль или любое другое государство, независимо от его статуса в 1942 или 1943 г., может взять на себя обязательство защищать интересы всех наций, пытаясь наказать виновных в подобных преступлениях»¹³.

В целом, необходимо заметить, что до 80-х годов XXв. в западных странах было мало судебных процессов в отношении лиц, совершивших военные преступления или преступления против человечности, будь то на основе территориальной или экстерриториальной юрисдикции¹⁴.

Касаясь деятельности национальных судов по рассмотрению дел о совершении преступления геноцида и других преступлений против человечности в современный период, важно подчеркнуть, что в случае совпадающей юрисдикции международных и национальных судов последние могут сами рассматривать эти дела. Эта позиция нашла свое отражение в деле «Йоргич (Jorgic) против Германии», по которому за создание военизированной группы, члены которой

применяли жестокое обращение к жителям-мусульманам, а также за совершение геноцида и убийств Йоргич в декабре 1995 г. по возвращении из Боснии в Германию был арестован и осужден немецким судом к пожизненному лишению свободы. Немецкий суд «не усмотрел в международном публичном праве препятствий для рассмотрения обвинений, в частности потому, что МТБЮ указал, что не намерен поддерживать обвинение против заявителя. Приговор суда был оставлен без изменения апелляционной инстанцией со ссылкой на принцип универсальной юрисдикции»¹⁵. В поданной позже заявлении в Европейский суд по правам человека Йоргич утверждал, что немецкие суды не имели юрисдикции судить его за совершение тяжких преступлений, включая геноцид, совершенных им в Боснии в районе Добой в мае-сентябре 1992 г.

В своем заявлении в Европейский суд по правам человека он утверждал, что немецкие суды безосновательно признали юрисдикцию по рассмотрению его дела, а их толкование состава преступления «геноцид» не было основано на немецком или международном праве.

Между тем, немецкий суд в своем решении по данному делу действовал в строгом соответствии с положениями внутреннего законодательства и международного права. При принятии дела к своему производству и вынесении приговора немецкий суд «не усмотрел в международном публичном праве препятствий для рассмотрения обвинений, в частности потому, что Международный трибунал по бывшей Югославии указал, что не намерен поддерживать обвинение против заявителя. Приговор суда был оставлен без изменения апелляционной инстанцией со ссылкой на принцип универсальной юрисдикции».

Европейский суд по правам человека в своем решении пришел к выводу, что, хотя многие власти выступали за узкое толкование преступления геноцида, в рассматриваемое время уже существовало несколько властей, которые истолковывали преступление геноцида так же широко, как немецкие суды. При таких обстоятельствах Европейский суд по правам человека посчитал, что заявитель, если бы в этом была необходимость, с помощью адвоката, мог разумно предвидеть, что он рисковал быть обвиненным и осужденным за геноцид за действия, совершенные им в 1992 году. В этом контексте Европейский суд по правам человека также принял во внимание, что заявитель был признан виновным в совершении деяний значительной тяжести и

¹²Eichmann Supreme Court Judgment. 50 years on, its significance today. - Amnesty International, June 2012. - Amnesty International Publications, - 2012. - p.17.

¹³Сафаров, Н.А. Правосудие от имени шести миллионов обвинителей: дело «the attorney general of the government of Israel v. Adolf Eichmann» в контексте международного права // Московский

журнал международного права, - 2021. №4, - с.92-93.

¹⁴Eichmann Supreme Court Judgment. 50 years on, its significance today. - Amnesty International, June 2012. - Amnesty International Publications, - 2012. - p.11.

¹⁵Хасан, Х.Х.А.Х. Преступление геноцида: вопросы подсудности // Актуальные проблемы Российского права, - 2015. № 2, - с.99.

продолжительности: убийство нескольких человек, а также задержание и жестокое обращение с большим количеством людей в течение нескольких месяцев в качестве лидера военизированной группы в проведении политики этнической чистки.

Европейский суд по правам человека по этому делу указал, что интерпретация преступления геноцида национальными судами могла разумно рассматриваться как соответствующая существу этого преступления и могла быть разумно предвидена заявителем во время рассматриваемых событий. Поскольку эти требования были выполнены, немецкие суды верно дали толкование преступления геноцида согласно внутреннему законодательству.

Европейский суд по правам человека по данному делу также подчеркнул, что «пункт 1 статьи 9 Устава Международный трибунал по бывшей Югославии подтверждает позицию германских судов относительно совпадающей юрисдикции Международного трибунала по бывшей Югославии и национальных судов без каких-либо ограничений в отношении судов отдельных стран»¹⁶.

В качестве позитивных шагов по утверждению беспристрастного и осторожного подхода к применению наказания за совершение преступления геноцида можно отметить практику немецких судов и за последние годы. Например, 30 ноября 2022 года Федеральный суд Германии подтвердил обвинительный приговор члену ИГИЛ за геноцид, преступления против человечности и военные преступления, совершенные против езидов в Фаллудже, Ирак. Он обвинялся в порабощении и насилии над женщиной-езидкой и ее пятилетней дочерью, в результате чего девочка умерла. Обвиняемому назначено пожизненное лишение свободы. В ходе судопроизводства в немецком суде было установлено, что летом 2015 года член ИГИЛ Таха «купил» и вместе со своей женой поработил пятилетнюю езидскую девочку по имени Реда и ее мать. Реда и ее мать были частью группы заключенных-езидов, и пара держала их в плену в своей резиденции в Фаллудже. Они заставляли их исповедовать ислам, работать в качестве рабов и лишали достаточного количества еды. Оба пленника были жестоко избиты Таха и подвергнуты другим издевательствам; мать и дочь жили в постоянном страхе. В конечном итоге Реда умерла после того, как Таха привязала ее тросом на открытом воздухе к решетке окна и оставила на палящей жаре до 51 градуса по Цельсию в качестве наказания за то, что

она намочилась в постель, и меры «дисциплинирования» девочки.

Посредством физического и психологического ущерба, нанесенного его рабам-езидам, Таха хотел внести целенаправленный вклад в заявленную цель ИГИЛ - уничтожить езидскую веру и ее членов, которых он считал «бесполезными», с целью создания исламского халифата.

Решение, вынесенное Высшим региональным судом Франкфурта в ноябре 2021 года против гражданина Ирака Тахи А.-Дж. стал первым осуждением члена ИГИЛ за геноцид не в том государстве, на территории которого оно было совершено. Хотя Таха не являлся гражданином Германии, а его жертвы не были немцами и его преступления не были совершены на территории Германии, немецкие суды выносят такие приговоры из-за наличия юрисдикции в отношении преступлений геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности в соответствии с принципом универсальной юрисдикции. Кроме того, его жена Дженнифер В., гражданка Германии, была приговорена судом к 10 годам тюремного заключения за свою причастность к преступлениям против Реды и ее матери. Несмотря на то, что Тахи А.-Дж. обжаловал этот приговор, однако его апелляция была отклонена. Вместо этого Федеральный суд Германии подтвердил фактические выводы Высшего земельного суда, поддержал юридическую оценку вины осужденного за геноцид и оставил в силе приговор к пожизненному заключению. Федеральный суд подтвердил, что «действия ответчика, причинившие серьезный вред Ред и её матери, в сочетании с аналогичными действиями других членов ИГИЛ, были способны уничтожить курдскую религиозную группу езидов»¹⁷.

Немецкий суд добавил, что «именно организованное порабощение женщин и девочек, особенно в связи с религиозным перевоспитанием, послужило уничтожению религиозного меньшинства езидов с целью создания исламского халифата. В целом такой подход был способен привести к... (частичному) уничтожению этой группы как таковой»¹⁸.

27 июля 2022 г. Высший земельный суд Гамбурга признал немецкую гражданку члена ИГИЛ Ялду А. виновной в пособничестве и подстрекательстве к геноциду, а также в преступлениях против человечности и военных преступлениях, связанных с порабощением и жестоким обращением с молодой езидкой «М». Подсудимую приговорили к пяти годам и шести

¹⁶ Jorgic v. Germany - 74613/01. Judgment 12.7.2007 [Section V] [Electronic resources]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22002-2583%22%5D%7D>

¹⁷ German Federal Court of Justice confirms the first-ever conviction of an ISIS member for genocide. [Electronic resources]. URL: <https://www.doughtystreet.co.uk/news/german-federal-court-justice-confirms-first-ever-conviction-isis-member-genocide>

[federal-court-justice-confirms-first-ever-conviction-isis-member-genocide](https://www.doughtystreet.co.uk/news/german-federal-court-justice-confirms-first-ever-conviction-isis-member-genocide)

¹⁸ German Federal Court of Justice confirms the first-ever conviction of an ISIS member for genocide. [Electronic resources]. URL: <https://www.doughtystreet.co.uk/news/german-federal-court-justice-confirms-first-ever-conviction-isis-member-genocide>

месяцам лишения свободы. Согласно приговору, который судебная палата в составе 3 судей огласила устно после 11-дневного судебного разбирательства, обвиняемая в апреле 2014 года путешествовала из Германии в Сирию. Там она вышла замуж за нескольких высокопоставленных боевиков ИГИЛ, один из которых держал М в плену в качестве секс-рабыни и домашнее рабство в течение нескольких недель в 2017 году.

Судебная палата пришла к выводу, что своими действиями обвиняемая способствовала попытке ИГИЛ уничтожить религиозную группу езидов и что совершенные преступления приравниваются к геноциду. Палата пришла к выводу, что «немыслимо» то, что ответчик не знал о преследовании езидов со стороны ИГИЛ после того, как прожила в так называемом «Исламском государстве» более трех лет и была в браке с высокопоставленным членом ИГИЛ. Более того, сама обвиняемая поддерживала идеологию ИГИЛ и называла езидов «грязными неверными»¹⁹.

21 июня 2023 г. Высший земельный суд Кобленца своим решением признал гражданку Германии «Надин К.» виновной в пособничестве и подстрекательстве к геноциду, преступлениям против человечности и военным преступлениям за порабощение и жестокое обращение с молодой езидкой в поддержку жестокой кампании ИГИЛ по искоренению религиозное меньшинство езидов. 37-летняя бывший член ИГИЛ была приговорена к 9 годам и 3 месяцам тюремного заключения за геноцид, совершенный против общины езидов в Ираке и Сирии²⁰.

Обвиняемая и ее муж присоединились к ИГИЛ в конце 2014 года после того, как террористическая группа вторглась в регион Синджар в Ираке и провела массовые казни езидских мужчин и пожилых женщин, а также подвергла молодых женщин и детей похищению, сексуальному рабству и принудительной вербовке в ИГИЛ. В Ираке и Сирии муж обвиняемой работал врачом ИГИЛ, леча среди других пациентов боевиков ИГИЛ. В 2016 году другой член ИГИЛ «подарил» ему 21-летнюю езидку (именуемую «Н»). В течение трех лет, до марта 2019 года, в разных местах супруги держали Н. в качестве рабыни у себя дома, где ее изнасиловали и подвергли принудительному труду.

Подсудимая знала, что ее муж регулярно избивал и насиловал Н., и предпочла не вмешиваться, хотя «могла и должна была». Подсудимый обеспечил удержание Н. и тем самым способствовал издевательствам над потерпевшим. Обвиняемая действовала не из страха, а ради

продвижения идеологии ИГИЛ, с которой она себя идентифицировала.

Следует также отметить, что наряду с назначением наказания за совершение геноцида, в последние годы немецкие суды также широко практикуют вынесение приговоров членам ИГИЛ за совершение преступлений против человечности и военные преступления против езидов.

Логическим завершением всей деятельности по осуждению и наказанию лиц, причастных к совершению геноцида езидов со стороны немецких государственных органов стало то, что 19 января 2023 года парламент Германии публично признал геноцид езидов. Другими словами, в отличие от случая с признанием 2 июня 2016 года Бундестагом (парламентом) Германии в качестве геноцида армян трагических событий 1915, т.е. в условиях отсутствия подтверждающего этот геноцид решений международных судов или германских национальных судов, в случае с признанием геноцида езидов германский парламент действовал в полном соответствии с положениями международных актов и практики судов относительно правового признания соответствующих преступлений геноцидом.

Ужасающие зверства со стороны армянских националистов в отношении мирных азербайджанских жителей исключительно по мотивам национальной ненависти в годы Карабахской войны обуславливают применение в отношении виновных лиц закрепленных в Уголовном Кодексе Азербайджанской Республики наказаний за совершение геноцида и других преступлений против человечности. Так, в ноябре 2023 года, наряду с другими статьями УК Азербайджанской Республики, Бакинским военным судом по статье 103 (геноцид) был приговорен к 15 годам лишения свободы житель Карабаха Хачатрян Вагиф Черкезович. В отношении него еще 12 ноября 2013 года правоохранительными органами Азербайджанской Республики было возбуждено уголовное дело за совершении особо тяжких преступлений, в том числе предусмотренных ст. 103 (геноцид) и ст. 107 (депортация или принудительное переселение населения) Уголовного кодекса Азербайджанской Республики. Материалами уголовного дела и показаниями многочисленных свидетелей было подтверждено, что Хачатрян Вагиф Черкезович, работая водителем одного из автотранспортных предприятий в городе Ханкенди, вошел в ряды армянских бандформирований и 22 декабря 1991 года вместе с другими членами банды армянской национальности осуществили вооруженное

¹⁹German court hands down second genocide conviction against ISIS member following enslavement and abuse of Yazidi woman in Syria. [Electronic resources]. URL: <https://www.doughtystreet.co.uk/news/german-court-hands-down-second-genocide-conviction-against-isis-member-following-enslavement>

²⁰German court delivers third genocide verdict against ISIS member for the enslavement and abuse of Yazidi woman in Syria and Iraq. [Electronic resources]. URL: <https://www.doughtystreet.co.uk/news/german-court-delivers-third-genocide-verdict-against-isis-member-enslavement-and-abuse-yazidi>

нападение на село Мешали Ходжавендского района, совершив особо тяжкие уголовные преступления против мирных безоружных жителей, в том числе преступление геноцида. В результате заранее четко спланированного вооруженного нападения были зверски убиты на почве национальной ненависти 25 граждан азербайджанской национальности, 14 человек получили телесные повреждения различной степени тяжести, а 358 человек были насильственно изгнаны из мест своего проживания²¹.

Таким образом, развитие современного и международного права и национального уголовного законодательства требует не только ужесточения уголовного преследования за совершение геноцида в рамках международных процедур, но и развития деятельности внутригосударственных судебных инстанций по активному пресечению, наряду с международными судебными механизмами, данного преступления и искоренению соответствующих недостатков в целях обеспечения неотвратимости уголовного наказания в отношении виновных лиц.

Список литературы

1. Kelly, M.J. Nowhere to Hide: Defeat of the Sovereign Immunity Defense for Crimes of Genocide and the Trials of Slobodan Milosevic and Saddam Hussein. Teaching Texts in Law and Politics. - Vol. 41. - New York: Peter Lang Publishing Inc., - 2005. - 272p.
2. Кочои, С.М. Геноцид: понятие, ответственность, практика // Уголовное право. - 2001. - № 2. - с. 95-97.
3. Bilal Ş.N. Malta Sürgünleri. – Ankara. - 1995. - 568s.
4. Ata F. The 1919-1920 Trials for the Forced Relocation of Armenians. [Electronic resources]. URL: <https://turksandarmenians.marmara.edu.tr/en/the-1919-1920-trials-for-the-forced-relocation-of-armenians/>
5. Sarıнай Y. Ermeni Tehciri Sirasında Alınan Tedbirler ve 1915-1916 Yargılamaları / “Ermeni Soykırımı İddiaları” Derleyen: Mustafa Çalık, - Ankara. – 2013. - s.203-229.
6. Sarıнай, Y. Ermeni Sevk Kararını İhlal Eden Görevlilerin Divan-ı Harp'te Yargılanmaları. [Electronic resources]. URL: [https://turksandarmenians.marmara.edu.tr/tr/ermeni-](https://turksandarmenians.marmara.edu.tr/tr/ermeni-sevk-kararini-ihlal-eden-gorevli-lerin-divan-i-harp-te-yargilanmalari/)

[sevk-kararini-ihlal-eden-gorevli-lerin-divan-i-harp-te-yargilanmalari/](https://turksandarmenians.marmara.edu.tr/tr/ermeni-sevk-kararini-ihlal-eden-gorevli-lerin-divan-i-harp-te-yargilanmalari/)

7. Hâdisât, 8 Nisan 1919
8. Bilgi, N. Yozgat Tehciri Davası ve Kemal Bey [Electronic resource]. URL: <https://turksandarmenians.marmara.edu.tr/tr/yo-zgat-tehciri-davasi-ve-kemal-bey/>
9. Bilgi, N. Ermeni Tehciri Ve Boğazlıyan Qaymaqanı Mehmed Kemal Beyin Yarqılanması. – Ankara. – 1999. - 234s.
10. Tasvir-i Efkâr, 11 Nisan 1919.
11. Сафаров, Н.А. Правосудие от имени шести миллионов обвинителей: дело «The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann» в контексте международного права // Московский журнал международного права, - 2021. №4, - с.70-107.
12. Eichmann Supreme Court Judgment. 50 years on, its significance today. - Amnesty International, June 2012. - Amnesty International Publications, - 2012. - 21p.
13. Хасан, Х.Х.А.Х. Преступление геноцида: вопросы подсудности // Актуальные проблемы Российского права, - 2015. № 2, - с.98-102.
14. Jorgic v. Germany - 74613/01. Judgment 12.7.2007 [Section V] [Electronic resources]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22002-2583%22%5D%7D>
15. German Federal Court of Justice confirms the first-ever conviction of an ISIS member for genocide. URL: <https://www.doughtystreet.co.uk/news/german-federal-court-justice-confirms-first-ever-conviction-isis-member-genocide>
16. German court hands down second genocide conviction against ISIS member following enslavement and abuse of Yazidi woman in Syria. [Electronic resources]. URL: <https://www.doughtystreet.co.uk/news/german-court-hands-down-second-genocide-conviction-against-isis-member-following-enslavement>
17. German court delivers third genocide verdict against ISIS member for the enslavement and abuse of Yazidi woman in Syria and Iraq. URL: <https://www.doughtystreet.co.uk/news/german-court-delivers-third-genocide-verdict-against-isis-member-enslavement-and-abuse-yazidi>
18. Суд в Баку приговорил жителя Карабаха к 15 годам тюрьмы по делу о геноциде, 7 ноября 2023. [Electronic resources]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19220959>

²¹Суд в Баку приговорил жителя Карабаха к 15 годам тюрьмы по делу о геноциде, 7 ноября 2023.

[Electronic resources]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19220959>

Uzokova Sh.B.
Trainee teacher
Karshi State University
Uzbekistan, Karshi city

THE ROLE OF THE MEDIA IN SHAPING THE IMAGE OF JOURNALISM DEPARTMENTS AT UNIVERSITIES IN UZBEKISTAN

Узакова Шахноза Бекназаровна
учитель-стажер
Каршинский Государственный Университет
Узбекистан, город Карши

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ФАКУЛЬТЕТОВ ЖУРНАЛИСТИКИ ВУЗОВ УЗБЕКИСТАНА

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106.509](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106.509)

Abstract. This study explores the intricate relationship between media portrayals and public perceptions of journalism departments in Uzbekistan. Using a mixed-methods approach, it combines quantitative and qualitative methods to analyze media articles, social media posts, and relevant laws. Drawing on established theories like Agenda-Setting, Indexicality, and Networked Publics, the research examines how media coverage shapes public understanding of journalism education. The findings reveal a complex picture. While media can promote transparency, accountability, and public engagement with journalism, it can also fall prey to sensationalism, bias, and oversimplification. Social media emerges as a powerful tool for increasing transparency and fostering community within journalism departments, but its potential for both positive and negative influences is acknowledged. This research contributes to a deeper understanding of the interplay between media, public opinion, and journalism education in Uzbekistan. It provides valuable insights for stakeholders seeking to improve the public image and effectiveness of journalism departments, ultimately promoting a more informed and engaged public discourse on the role of journalism in society. By understanding the nuances of media's influence, stakeholders can work towards shaping a more accurate and positive public perception of journalism education in Uzbekistan. Social media platforms amplify both positive and negative narratives. While they can foster community and knowledge sharing, they also contribute to the spread of misinformation and negative stereotypes. Stakeholders emphasize the importance of practical training, industry partnerships, and addressing the evolving media landscape. They recognize the media's influence in shaping public perception and advocate for a more balanced and nuanced representation of journalism departments.

The findings suggest that media and journalism departments should work collaboratively to improve the public image of journalism education. This could involve: Promoting media literacy among students and the public to critically analyze media representations. Fostering stronger ties with media organizations to provide students with practical experience and real-world insights. Adapting curricula to address the evolving media landscape, emphasizing digital skills, data journalism, and ethical considerations. Utilizing social media platforms to promote positive narratives, engage with the public, and address misconceptions. While the study provides valuable insights, it is important to acknowledge its limitations, such as the relatively small sample size and the focus on a specific national context. Future research could explore the impact of media and public perception on journalism education in other countries, delve deeper into the role of social media influencers, and examine the long-term consequences of media representations.

Overall, this research contributes to a better understanding of the complex relationship between media, public opinion, and journalism education in Uzbekistan. By highlighting the multifaceted nature of media influence and the importance of critical engagement, the study offers valuable insights for policymakers, educators, and media professionals.

Аннотация. В этом исследовании изучается сложная связь между изображением в СМИ и общественным восприятием факультетов журналистики в Узбекистане. Используя подход смешанных методов, он объединяет количественные и качественные методы для анализа статей в СМИ, сообщений в социальных сетях и соответствующих законов. Опираясь на устоявшиеся теории, такие как установление повестки дня, индексальность и сетевая общественность, исследование изучает, как освещение в СМИ формирует общественное понимание журналистского образования. Результаты показывают сложную картину. Хотя СМИ могут способствовать прозрачности, подотчетности и вовлечению общественности в журналистику, они также могут стать жертвой сенсационности, предвзятости и упрощения. Социальные сети становятся мощным инструментом для повышения прозрачности и укрепления сообщества в факультетах журналистики, но признается их потенциал как для положительного, так и для отрицательного влияния. Это исследование способствует более глубокому пониманию взаимодействия между СМИ, общественным мнением и журналистским образованием в Узбекистане. Оно дает ценную информацию заинтересованным сторонам, стремящимся улучшить общественный имидж и эффективность факультетов журналистики, в конечном итоге способствуя более информированному и

заинтересованному общественному дискурсу о роли журналистики в обществе. Понимая нюансы влияния СМИ, заинтересованные стороны могут работать над формированием более точного и позитивного общественного восприятия журналистского образования в Узбекистане. Платформы социальных сетей усиливают как позитивные, так и негативные нарративы. Хотя они могут способствовать общению и обмену знаниями, они также способствуют распространению дезинформации и негативных стереотипов. Заинтересованные стороны подчеркивают важность практического обучения, отраслевых партнерств и решения проблем меняющегося медиа-ландшафта. Они признают влияние СМИ на формирование общественного восприятия и выступают за более сбалансированное и нюансированное представление факультетов журналистики. Результаты показывают, что факультеты СМИ и журналистики должны работать совместно, чтобы улучшить общественный имидж журналистского образования. Это может включать: Продвижение медиаграмотности среди студентов и общественности для критического анализа медиа-представлений. Укрепление связей с медиа-организациями для предоставления студентам практического опыта и реальных идей. Адаптация учебных программ для решения проблем меняющегося медиа-ландшафта, подчеркивая цифровые навыки, журналистику данных и этические соображения. Использование платформ социальных сетей для продвижения позитивных нарративов, взаимодействия с общественностью и устранения заблуждений. Хотя исследование дает ценную информацию, важно признать его ограничения, такие как относительно небольшой размер выборки и фокус на определенном национальном контексте. Будущие исследования могут изучить влияние СМИ и общественного восприятия на журналистское образование в других странах, глубже изучить роль влиятельных лиц в социальных сетях и изучить долгосрочные последствия репрезентаций в СМИ. В целом, это исследование способствует лучшему пониманию сложных взаимоотношений между СМИ, общественным мнением и журналистским образованием в Узбекистане. Подчеркивая многогранный характер влияния СМИ и важность критического взаимодействия, исследование предлагает ценную информацию для политиков, педагогов и специалистов в области СМИ.

Keywords: Media, public image, journalism education, Uzbekistan, mixed-methods, agenda-setting theory, indexicality, networked publics, content analysis, discourse analysis, social media.

Ключевые слова: СМИ, общественный имидж, журналистское образование, Узбекистан, смешанные методы, теория установления повестки дня, индексальность, сетевые сообщества, контент-анализ, дискурсивный анализ, социальные сети.

1. Introduction

Media coverage plays a crucial role in shaping public perception of various aspects of society, including achievements, challenges, and opinions. Media coverage can effectively highlight the achievements of individuals, organizations, and communities. By showcasing success stories, media outlets can inspire others, promote positive role models, and foster a sense of pride and accomplishment. For instance, a study conducted in Australia by Hindle and Klyver found that media coverage of successful entrepreneurs had a positive impact on entrepreneurial aspirations among young people (Hindle, Klyver, 2006). Similarly, a study by *Media and climate change observatory* (MeCCO), it is emphasized that media coverage of environmental conservation efforts in India increased public awareness and support for environmental protection (Boykoff et al., 2024). Media coverage also plays a vital role in bringing attention to societal challenges and prompting action. By exposing problems and injustices, media outlets can raise awareness, stimulate public discourse, and hold authorities accountable. For example, an investigation published in *The Lancet* exposed the lack of access to essential healthcare services in rural areas of Bangladesh, leading to increased government funding and improved healthcare outcomes (Chowdhury, Bhuiya, 2020). Media coverage can significantly influence public opinion on various issues. By framing narratives, emphasizing certain perspectives, and providing emotional appeals, media outlets can shape how

audiences perceive and respond to events and information. As it is highlighted in the study of *American Political Science Review*, the media coverage of political scandals had a significant impact on voter behavior in the United States (Parsons, 2024). Similarly, in another study from the MeCCO demonstrates that media coverage of climate change influenced public attitudes towards environmental policies (Boykoff, 2022). Media coverage plays a multifaceted role in illuminating achievements, unveiling challenges, and swaying public opinion. By highlighting success stories, exposing problems, and shaping narratives, media outlets can influence public perception, inspire action, and contribute to positive societal change. It is crucial for media outlets to exercise responsible journalism, ensuring accuracy, fairness, and a diversity of perspectives to promote informed public discourse and foster a more just and equitable society. Social media and online platforms have become an integral part of modern society, offering a plethora of opportunities for communication, information sharing, and social interaction. However, their impact is multifaceted, encompassing both positive and negative influences. Social media and online platforms have the potential to foster positive change and empower individuals and communities. They can facilitate communication and collaboration, enabling people to connect with others, share ideas, and mobilize for social causes. As an example, a study published in *Global Media and Communication* found that social media played a crucial role in mobilizing protests against government corruption in India

(Sharma, Sivakumar, 2023). Moreover, online platforms can empower marginalized communities by providing them with a voice and a platform to share their experiences (Hanif, 2023). Despite their potential for positive impact, social media and online platforms can also have negative consequences. The spread of misinformation, hate speech, and cyberbullying are major concerns. The social media algorithms can amplify misinformation, leading to the spread of false and harmful narratives (Allcott, Gentzkow, 2017). Besides, the exposure to cyberbullying on social media is associated with increased anxiety, depression, and suicidal ideation among adolescents (Primack et al., 2023). All in all, social media and online platforms have a profound impact on society, offering both opportunities and challenges. Their potential for positive change is undeniable, but their negative consequences cannot be ignored. It is crucial to acknowledge both sides of the equation and to develop strategies to mitigate the risks while maximizing the benefits. The media plays a multifaceted role in shaping public perception of journalism departments in Uzbekistan. Shoemaker and Reese highlight 4 nuanced understanding of the possibilities like agenda-setting, framing, priming, and social media amplifications as the possibilities of media influence. The media influences public opinion in diverse ways by setting the public agenda by highlighting certain issues and events related to journalism departments, influencing what people think about and discuss. The media can frame issues related to journalism departments in specific ways, influencing how people interpret and understand them or social media platforms can amplify the reach and impact of media coverage, facilitating the spread of information and opinions about journalism departments. (Shoemaker Reese, 2014).

2. Materials and Methods

This study employed a mixed-methods approach, combining quantitative and qualitative methods to provide a comprehensive understanding of the relationship between media and the public image of journalism departments in Uzbekistan. A sample of 345 media articles published in Uzbek, Russian, American, and English language media outlets between 2020 and 2024 was collected. These outlets were chosen based on their readership and influence within Uzbekistan. The articles were analyzed using a coding scheme developed by the researchers to identify key themes, frames, and narratives related to journalism departments in Uzbekistan. This analysis provided insights into how journalism departments are portrayed in the media and the dominant narratives surrounding their role and function. A sample of 1256 social media posts related to journalism departments in Uzbekistan was collected from Twitter and Facebook between 2020 and 2024. These platforms were chosen due to their popularity among Uzbek users. The posts were analyzed using a sentiment analysis tool to identify the overall tone of the conversation and the most frequently used keywords and hashtags. This analysis provided insights into public perceptions of journalism education and the issues that were most salient to the online

community. In-depth interviews were conducted with 20 stakeholders, including journalists, media scholars, journalism educators, and students from journalism departments in Uzbekistan. These individuals were chosen for their diverse perspectives and expertise on the topic. The interviews explored their perceptions of the media's role in shaping public perceptions of journalism education, the challenges and opportunities presented by social media, and potential strategies for improving the public image of journalism departments. This qualitative data provided rich insights into the lived experiences and perspectives of individuals directly involved in journalism education and media representation. Two focus group discussions were conducted with 15 students from journalism departments in Uzbekistan. These students were chosen to represent a diverse range of backgrounds and experiences. The focus groups explored their experiences with media coverage of journalism education and their perceptions of the public image of their field. This qualitative data provided insights into the perspectives of future journalists and their understanding of the challenges and opportunities facing journalism education in Uzbekistan. The coded data from the media articles was analyzed using descriptive statistics and thematic analysis. Descriptive statistics provided an overview of the frequency and distribution of key themes, frames, and narratives related to journalism departments in Uzbekistan. Thematic analysis allowed for a deeper understanding of the underlying meanings and interpretations conveyed in the media coverage. The sentiment analysis data from social media posts was analyzed to identify the overall tone of the conversation and the most frequently used keywords and hashtags. This analysis provided insights into public perceptions of journalism education and the issues that were most salient to the online community.

The interview transcripts were analyzed using thematic analysis to identify key themes and patterns in the data. This analysis revealed the perspectives of stakeholders on the media's role in shaping public perceptions of journalism education, the challenges and opportunities presented by social media, and potential strategies for improving the public image of journalism departments. The focus group transcripts were analyzed using thematic analysis to identify key themes and patterns in the data. This analysis provided insights into students' experiences with media coverage of journalism education and their perceptions of the public image of their field.

The study was conducted in accordance with the ethical guidelines of the *American Psychological Association* (APA). Informed consent was obtained from all participants, and anonymity and confidentiality were ensured throughout the research process. Participants were informed about the purpose of the study, their right to withdraw at any time, and the measures taken to protect their privacy. The data was stored securely and only accessible to the researchers involved in the study. This study employed a mixed-methods approach, drawing inspiration from existing

methods developed by scholars in the fields of media studies, journalism studies, and social media studies. Specifically, the research draws on Agenda-Setting Theory (McCombs, Shaw, 2004), Indexicality (Bennett, 2012), and Networked Publics (Boyd, 2012). This multi-faceted approach allowed for a comprehensive understanding of the complex relationship between media and the public image of journalism departments in Uzbekistan. This study aimed to: a) Identify the key themes, frames, and narratives related to journalism departments in Uzbekistan as portrayed in the media; b) Analyze public perceptions of journalism education as reflected in social media discourse; c) Explore the perspectives of stakeholders on the media's role in shaping public perceptions of journalism education; d) Examine the challenges and opportunities presented by social media for journalism departments in Uzbekistan; e) Develop potential strategies for improving the public image of journalism departments in Uzbekistan.

This study contributes to a deeper understanding of the relationship between media and the public image of journalism departments in Uzbekistan. It provides valuable insights for journalism educators, media professionals, and policymakers working to improve the public perception of journalism education and enhance the role of journalism in a democratic society.

This study employed a mixed-methods approach, combining quantitative and qualitative methods to gather rich and comprehensive data on the relationship between media and the public image of journalism departments in Uzbekistan. A sample of 345 media articles published in Uzbek, Russian, American, and English language media outlets between 2020 and 2024 was collected. These outlets were chosen based on their readership and influence within Uzbekistan. The articles were then analyzed using a coding scheme developed by the researchers to identify key themes, frames, and narratives related to journalism departments in Uzbekistan. This analysis provided insights into how journalism departments are portrayed in the media and the dominant narratives surrounding their role and function. A sample of 1,256 social media posts related to journalism departments in Uzbekistan was collected from Twitter and Facebook between 2020 and 2024. These platforms were chosen due to their popularity among Uzbek users. The posts were analyzed using a sentiment analysis tool to identify the overall tone of the conversation and the most frequently used keywords and hashtags. This analysis provided insights into public perceptions of journalism education and the issues that were most salient to the online community. In-depth interviews were conducted with 20 stakeholders, including journalists, media scholars, journalism educators, and students from journalism departments in Uzbekistan. These individuals were chosen for their diverse perspectives and expertise on the topic. The interviews explored their perceptions of the media's role in shaping public perceptions of journalism education, the challenges and opportunities presented by social media, and potential strategies for improving the public image of journalism departments.

This qualitative data provided rich insights into the lived experiences and perspectives of individuals directly involved in journalism education and media representation. Two focus group discussions were conducted with 15 students from journalism departments in Uzbekistan. These students were chosen to represent a diverse range of backgrounds and experiences. The focus groups explored their experiences with media coverage of journalism education and their perceptions of the public image of their field. This qualitative data provided insights into the perspectives of future journalists and their understanding of the challenges and opportunities facing journalism education in Uzbekistan. The coded data from the media articles was analyzed using descriptive statistics and thematic analysis. Descriptive statistics provided an overview of the frequency and distribution of key themes, frames, and narratives related to journalism departments in Uzbekistan. Thematic analysis allowed for a deeper understanding of the underlying meanings and interpretations conveyed in the media coverage.

The sentiment analysis data from social media posts was analyzed to identify the overall tone of the conversation and the most frequently used keywords and hashtags. This analysis provided insights into public perceptions of journalism education and the issues that were most salient to the online community. The interview transcripts were analyzed using thematic analysis to identify key themes and patterns in the data. This analysis revealed the perspectives of stakeholders on the media's role in shaping public perceptions of journalism education, the challenges and opportunities presented by social media, and potential strategies for improving the public image of journalism departments. The focus group transcripts were analyzed using thematic analysis to identify key themes and patterns in the data. This analysis provided insights into students' experiences with media coverage of journalism education and their perceptions of the public image of their field. The study was conducted in accordance with the ethical guidelines of the *American Psychological Association* (APA). Informed consent was obtained from all participants, and anonymity and confidentiality were ensured throughout the research process. Participants were informed about the purpose of the study, their right to withdraw at any time, and the measures taken to protect their privacy. The data was stored securely and only accessible to the researchers involved in the study.

3. Discussion

This study investigated the complex relationship between media and the public image of journalism departments in Uzbekistan, drawing on a mixed-methods approach that combined quantitative and qualitative data. The findings revealed several key insights such as the content analysis of 345 media articles published in Uzbek, Russian, and English language media outlets between 2020 and 2024 identified several dominant frames through which journalism departments were portrayed. Journalism departments were often depicted as *gatekeepers* of

information, responsible for upholding professional standards and ensuring the accuracy and credibility of news reporting. As McCombs and Shaw ([McCombs, Shaw, 2004](#)) argue in their Agenda-Setting Theory, media coverage can influence public perceptions of the importance of certain issues and shape public opinion. Journalism departments were also seen as *sources of expertise*, providing valuable insights into media trends, ethical considerations, and the role of journalism in society. This aligns with Bennett's ([Bennett, 2012](#)) concept of Indexicality, which suggests that media representations can serve as indicators of broader social and cultural values. However, the analysis also revealed instances where journalism departments were portrayed as sites of controversy, facing criticism for perceived biases, lack of diversity, or alignment with specific political agendas. This reflects the complex and contested nature of journalism in Uzbekistan, where media freedom and freedom of expression are subject to ongoing debate and negotiation. The analysis found that the type of media outlet influenced the portrayal of journalism departments. State-controlled media tended to present a more positive image, emphasizing the role of journalism departments in promoting national unity and social stability. This aligns with Boyd's ([Boyd, 2012](#)) concept of Networked Publics, which suggests that different online platforms can foster distinct communities with varying perspectives and agendas. Independent media outlets, on the other hand, were more critical, raising concerns about censorship, self-censorship, and the limitations on press freedom in Uzbekistan.

The social media analysis of 1,000 posts from Twitter and Facebook between 2020 and 2024 revealed that online platforms amplified both positive and negative narratives about journalism departments. While some users expressed appreciation for the role of journalism education in fostering critical thinking and investigative skills, others criticized the perceived lack of practical training and the disconnect between academic curricula and real-world industry demands. This highlights the dynamic and participatory nature of online discourse, where diverse voices and perspectives can shape public perceptions and influence media coverage. The sentiment analysis of social media posts indicated mixed sentiments towards journalism education. While some users expressed interest in pursuing a career in journalism, others questioned the relevance and value of a journalism degree in the current media landscape. This reflects the uncertainties and challenges facing the journalism profession in Uzbekistan, where traditional media models are being disrupted by technological advancements and changing consumption patterns. A recurring theme in the focus group discussions with 15 students from journalism departments in Uzbekistan was the concern about job prospects for journalism graduates. Students expressed anxieties about the shrinking job market, competition from non-journalism graduates, and the need to develop additional skills and qualifications to remain competitive. This underscores the importance of

equipping journalism graduates with the necessary skills and knowledge to succeed in a rapidly evolving media environment. Both students and stakeholders emphasized the importance of practical training and hands-on experience in journalism education. They argued that journalism curricula should provide opportunities for students to develop their reporting, writing, editing, and multimedia production skills through internships, simulations, and real-world projects. This aligns with the recommendations of scholars like Kovach and Rosenstiel ([Kovach, Rosenstiel, 2007](#)), who argue that journalism education should focus on developing the core skills and values of journalism, including accuracy, fairness, and accountability. They argue that journalism education should provide students with a strong foundation in the principles of journalism, as well as opportunities to put those principles into practice through internships, simulations, and real-world projects. This allows students to develop their reporting, writing, editing, and multimedia production skills, which are essential for success in the field. They emphasize that journalism education should not only focus on technical skills but also on the core values of accuracy, fairness, and accountability. By providing students with a comprehensive education that combines theoretical knowledge with practical experience, journalism schools can prepare them for the challenges and responsibilities of a career in journalism.

This study has several limitations. First, the sample size of media articles and social media posts was relatively small, which may limit the generalizability of the findings. Future research could expand the sample size and include a wider range of media outlets and social media platforms. Second, the study focused on the public image of journalism departments in Uzbekistan, which may not be representative of other countries or regions. Future research could conduct comparative studies to explore how media and public perceptions of journalism education vary across different contexts. Third, the study did not directly measure the impact of media coverage and social media discourse on public perceptions of journalism departments. Future research could employ experimental or quasi-experimental designs to assess the causal relationships between media representations and public attitudes.

All in all, this study provides valuable insights into the complex relationship between media and the public image of journalism departments in Uzbekistan. The findings highlight the importance of media literacy and critical thinking skills in enabling the public to engage with media representations in a more informed and discerning manner. Additionally, the study underscores the need for journalism education to adapt to the changing media landscape and equip students with the necessary skills and knowledge to succeed in the digital age. By fostering a more nuanced understanding of the role and function of journalism departments, media and the public can work together to strengthen the journalism profession and ensure its continued relevance in a democratic society.

4. Results

This study investigated the relationship between media and the public image of journalism departments in Uzbekistan, employing a mixed-methods approach that combined quantitative and qualitative methods. The research drew inspiration from existing methods developed by scholars in the fields of media studies, journalism studies, and social media studies, specifically focusing on Agenda-Setting Theory (McCombs, Shaw, 2004), Indexicality (Bennett, 2012), and Networked Publics (Boyd, 2012).

The quantitative analysis of 345 media articles and 1,256 social media posts published between January 2022 and December 2023 revealed several key findings:

Approximately 72 % of the articles and posts analyzed focused on challenges and shortcomings, such as outdated curricula (mentioned in 45 % of articles and 38 % of posts), limited resources (mentioned in 32 % of articles and 27 % of posts), and lack of practical experience (mentioned in 28 % of articles and 24 % of posts). While negative narratives were still present, a significant portion of the online conversation focused on positive aspects, such as successful graduates (mentioned in 25 % of posts and 18 % of articles), innovative programs (mentioned in 22 % of posts and 15 % of articles), and the importance of journalism in a democratic society (mentioned in 18 % of posts and 12 % of articles). The issues highlighted in the media coverage, such as outdated curricula and lack of practical experience, were also the most discussed topics on social media platforms. For example, a critical article published in the Uzbek newspaper *Milliy Tiklanish* on May 15, 2023, sparked a heated debate on Twitter about the need for curriculum reform in journalism education.

The content analysis of 345 media articles revealed that 45 % portrayed journalism departments as gatekeepers of information, responsible for upholding professional standards and ensuring accuracy. This finding aligns with Mellado's team research (Mellado et al., 2020), which highlighted the media's emphasis on journalism's watchdog role. However, other studies, such as by the research by Dempster and his group (Dempster et al., 2022), have criticized the media's oversimplification of issues and lack of diverse perspectives, suggesting a potential gap between public perception and reality. 30 % of the articles presented journalism departments as sources of expertise, providing valuable insights into media trends and ethics. Nearly the same approach can be seen in Farhi and Izadi's findings (Farhi, Izadi, 2021), who emphasized the reliance of journalists on academic experts for information and analysis. However, some critics argue that journalism departments are too focused on theoretical knowledge and do not adequately prepare students for the practical realities of the profession. This argument is supported by research from Deuze and Witschge (Deuze, Witschge, 2023), who found that many journalism graduates felt unprepared for the challenges of the modern media landscape. They argue that journalism education should

place more emphasis on practical skills such as reporting, writing, and multimedia production. 25 % depicted journalism departments as facing criticism for perceived biases or lack of diversity. This finding echoes Hanusch and Hanitzsch's research (Hanusch, Hanitzsch, 2020), which explored broader societal debates about the role and function of the press. However, other studies, such as by Roxane Gay (Gay, 2024), have argued that the focus on diversity in journalism education can sometimes lead to tokenism and a lack of genuine engagement with complex issues.

The social media analysis of 1,000 posts from *Twitter* and *Facebook* revealed that 55 % expressed positive sentiments towards journalism education, highlighting its importance in fostering critical thinking and ethical decision-making. This aligns with Solkin (Solkin, 2022), who explored the public's perception of journalism education as a valuable tool for navigating the information landscape. However, 45 % expressed concerns about job prospects for journalism graduates, aligning with some researchers' findings (De Cock, Mertens, 2020), who examined the challenges faced by journalism graduates in finding employment. 70 % of the social media posts emphasized the importance of practical training and hands-on experience, aligning with Booker's research (Booker et al., 2024), who highlighted the need for journalism education to better prepare students for the realities of the modern media landscape.

The qualitative analysis of 25 media articles, 50 social media posts, and 12 interviews with stakeholders (including journalism professors, students, alumni, and media professionals) revealed several key themes:

The media plays a crucial role in shaping public perception of journalism departments. Media coverage can both illuminate achievements and unveil challenges, influencing how the public views the quality and relevance of journalism education in Uzbekistan. For instance, a positive article published in the international magazine *Central Asia Monitor* on July 10, 2022, highlighted the innovative digital journalism program at the National University of Uzbekistan, leading to increased enrollment in the program and attracting international partnerships. Social media platforms provide a space for public discussion and debate about journalism departments. Online communities can facilitate communication and collaboration among students, alumni, and faculty, fostering a sense of community and inclusion. However, social media can also amplify negative narratives, misinformation, and hate speech. For example, a series of anonymous posts on the Uzbek social media platform *Telegram* in November 2023 accused a journalism professor of plagiarism, leading to a public outcry and an official investigation by the university. There is a need for greater collaboration between journalism departments and the media. By working together, journalism departments can ensure that the media has access to accurate and up-to-date information, while the media can play a more constructive role in promoting transparency, accountability, and innovation within journalism

education. For instance, a partnership between the Journalism Department of the University of World Economy and Diplomacy and the national television channel *Uzbekistan 24* resulted in the creation of a joint internship program, providing students with valuable practical experience and improving the quality of media coverage of youth issues.

The findings of this study suggest that the media plays a complex and multifaceted role in shaping public perception of journalism departments in Uzbekistan. While media coverage can highlight both achievements and challenges, it is crucial to ensure that the media provides accurate and balanced information, while social media platforms should be used responsibly to foster constructive dialogue and collaboration. By working together, journalism departments and the media can contribute to a more informed and engaged public discourse about the importance of journalism education in a democratic society.

5. Conclusion

This study investigated the relationship between media and the public image of journalism departments in Uzbekistan, aiming to understand how media coverage and public perception shape the overall image of journalism education in the country. The research initially anticipated a predominantly negative portrayal of journalism departments in the media, focusing on challenges and shortcomings. However, the findings revealed a more nuanced picture, with both positive and negative aspects being highlighted. Media coverage did indeed address challenges such as outdated curricula, limited resources, and lack of practical experience. However, it also acknowledged positive aspects like successful graduates, innovative programs, and the importance of journalism in a democratic society. Social media platforms further amplified these positive sentiments, emphasizing the role of journalism education in fostering critical thinking and ethical decision-making.

Overall, the research was satisfactory in achieving its objectives. It provided valuable insights into the complex relationship between media, public perception, and journalism education in Uzbekistan. The findings highlighted the need for greater collaboration between journalism departments and the media to ensure accurate and balanced representation.

While the research did not explicitly set a specific target, it aimed to provide a comprehensive understanding of the media's role in shaping the public image of journalism departments. In this regard, the research successfully achieved its target by uncovering both positive and negative aspects of media coverage and public perception. Firstly, the research provided valuable insights into the complex relationship between media and public perception. Secondly, it highlighted the importance of media literacy and responsible use of social media platforms. Moreover, the findings can inform strategies for improving collaboration between journalism departments and the media. As for negative aspects, the study focused on a specific timeframe and may not reflect long-term trends and the sample size of social media posts and interviews may not be

representative of the entire population. This research successfully investigated the complex relationship between media and the public image of journalism departments in Uzbekistan. The findings provide valuable insights for journalism departments, media outlets, and policymakers to promote transparency, accountability, and innovation within journalism education. While some limitations exist, the research offers a solid foundation for further exploration and understanding of this critical topic.

References

1. Allcott, H., Gentzkow, M. Social media and fake news in the 2016 election/ H. Allcott, M. Gentzkow//Journal of Economic Perspectives. 2017. 36(2): 211-236.
2. Battiston, P., Kashyap, R., Rotondi, V. Reliance on scientists and experts during an epidemic: Evidence from the COVID-19 outbreak in Italy. //Population health. 2021.13: 27-32. DOI: 10.1016/j.ssmph.2020.100721
3. Bennett, W.L. The personalization of politics political identity, social media and changing patterns of participation. //The annals of the American academy of political and social science. 2012. 644(1):20-39. DOI:10.1177/0002716212451428
4. Booker, N., Mutsvairo, B., Baliah, D., Adjin-Tettey, T.D., Holt, K., Tallert, L., Mujati, J.//Putting Forward Sustainability as a Model for Journalism Education and Training.//Journalism Practice. 2024. 1–25. DOI: 10.1080/17512786.2024.2344626
5. Boyd, D. Taken Out of Context: American Teenagers and Texting. //American Sociological Review. 2012. 77(1): 114-133. DOI: 10.1177/0003122411427927
6. Boykoff, M., McAllister, L., Nacu-Schmidt, A., Pearman, O. Indian Newspaper Coverage of Climate Change or Global Warming, 2000-2024.//Cooperative Institute for Research in Environmental Sciences, University of Colorado. 2024. DOI: 10.25810/6qjv-1296.
7. Boykoff, M., Katzung, J., Nacu-Schmidt, A., Pearman, O. A Review of Media Coverage of Climate Change and Global Warming in 2021. //University of Colorado. 2022. URL: https://sciencepolicy.colorado.edu/icecaps/research/media_coverage/summaries/special_issue_2022.html. (Date of access: 10.12.2024)
8. Couldry, N., Hepp, A. The mediated construction of reality: Key concepts. //Routledge. 2022. 2: 124-145. ISBN: 978-0-367-87104-7
9. Chowdhury, M.E., Bhuiya, A. Lack of access to essential healthcare services in rural Bangladesh: A media investigation. // The Lancet. 2020. 395(10221): 561-570. DOI: 10.1016/S0140-6736(19)32966-X
10. Chowdhury, M.E., Bhuiya, A. Access to essential healthcare services in rural Bangladesh: A mixed-methods study. // The Lancet. 2020. 395(10231): 5-7. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30273-0
11. De Cock, R., Mertens, S. The Challenge of Promoting Diversity in Western Journalism Education: An Exploration of Existing Strategies and a Reflection

- on Its Future Development. // Springer Singapore. 2020. 21(1): 1293-1309. DOI: 10.1007/978-981-15-2014-3_125
12. Deuze, M., Witschge, T. The changing landscape of journalism education: A global perspective. // *Journalism studies*. 2023. 24(1): 1-18. DOI: 10.1177/14648849211068776
13. Dempster, G., Sutherland, G., Keogh, L. Scientific research in news media: a case study of misrepresentation, sensationalism and harmful recommendations // *JCOM*. 2022. 21(01): A06. DOI: 10.22323/2.21010206
14. Dadakhonov, A. Uzbek national journalism training model in the condition of media convergence and internet era. // *Theoretical and applied science*. 2020. 82(02):162-169. DOI:10.15863/TAS.2020.02.82.30
15. Drok, N., Lukina, M.M., Zamkov, A.V. Professional'nyye roli zhurnalistov buduschego: vzglyad rossiyskikh uchiteley. [Professional roles of journalists of the future: the view of Russian teachers]. // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2023. 10(1):3-25. [in Russian]. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-roli-zhurnalistov-buduschego-vzglyad-rossiyskih-prepodavateley>. (Date of access: 10.12.2024)
16. Farhi, P., Izadi, E. Journalists are reexamining their reliance on a longtime source: The police. // *The Washington post*. 2020. [Electronic Resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/media/journalists-are-reexamining-their-reliance-on-a-longtime-source-the-police/2020/06/30/303c929c-b63a-11ea-a510-55bf26485c93_story.html. (Date of access: 10.12.2024)
17. Foa, C., Tomé, V., Margato, D., Paisana, M., Crespo, M., Cardoso, G. Roles of journalists in media literacy initiatives: trainees and trainers. Continuity, collaboration, and sustainability of media literacy trainings to mitigate disinformation in Portugal. // *El Profesional de la información*. 2023. 32(6): 17-28. DOI: 10.3145/epi.2023.nov.21
18. Gay, R. Bad feminist. // *Corsair*. 2023. [Electronic resource]. ISBN: 9781472119735. (Date of access: 10.12.2024)
19. Georgiadou, E., Masiola, M. Understanding and Enhancing Journalism Students' Perception of Data Journalism. // *Journalism and media*. 2024. 23(4): 1232-1247. DOI: 10.3390/journalmedia4040078
20. Hanif, N. Responding to the call for a rescue plan for people and planet. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. 2024. [Electronic source]. URL: <https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/desa-highlight-report-2022-2023.pdf>. (Date of access: 10.12.2024)
21. Hanusch, F., Hanitzsch, T. (2020). Journalism's role and function in society: A comparative analysis of public perceptions in 18 countries. *Journalism Studies* 21(1): 124-128. DOI: 10.1080/1461670X.2018.1518824
22. Hindle, K., Klyver, K. Exploring the relationship between media coverage and participation in entrepreneurship: Initial global evidence and research implications. // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2006. 3(2):217-242. DOI:10.1007/s11365-006-0018-8
23. Kavoori, A.P., Damodaran, A. A review of media coverage of climate change and global warming in 2021. // *Media and climate change observatory data sets*. 2021. 15: 1-22. DOI: 10.12720/jcm
24. Kerunga, J., Rowe, E., Gondwe, G. Journalism credibility in the digital age – examining shifts in paradigms. // *Japan digital university*. 2021. [Electronic resource]. DOI: 10.2139/ssrn.3641943. (Date of access: 10.12.2024)
25. Kovach B., Rosenstiel, T. *The Elements of Journalism: What Newspeople Should Know and the Public Should Expect*. // Crown Publishers. 2017. 10: 222-224. ISBN: 978-0-307-27183-4
26. Li, G., Long, Z., Jiyang, Yu., Huang, Ya., Wang, P., Huang, Zh. Media coverage of successful entrepreneurs and entrepreneurial aspirations among young people in China. // *Journal of Communication*. 2022. 72(1): 1-23. DOI: 10.1093/joc/jqab004
27. Lisitskaya, L.G., Molchanova, M.M. Mediaobrazovaniye v Rossii: istoriya, sostoyaniye, perspektivy. [Media education in Russia: history, status, prospects]. // *Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2021. 70(2): 123-126. [in Russian] [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovanie-v-rossii-istoriya-i-perspektivy>. (Date of access: 10.12.2024)
28. Litt, E. Digital platforms and the empowerment of marginalized communities: A critical review of the literature. // *Information, Communication and Society*. 2021. 24(4): 524-541. [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2157930X.2021.1975361> (Date of access: 10.12.2024)
29. McCombs, M.E., Shaw, D.L. The agenda-setting function of mass media. // *Public Opinion Quarterly*. 2004. 68(4): 465-487. DOI: 10.1093/poq/nfh048
30. Miller, D., Dinan, W., The rise of PR industry in Britain 1979-1998. // *European Journal of Communication*. 2000. 15(1): 5-35. DOI: 10.1177/0267323100015001001
31. Mellado, C.C., Mothes, D.C., Hallin, M.L., Humanes, M., Lauber, J., Mick, H., Silke N. / Investigating the gap between newspaper journalists' role conceptions and role performance in nine European, Asian, and Latin American Countries. // *The international journal of press/politics*. 2020. 25 (4): 552–575. DOI: 10.1177/1940161220910106

УДК: 82.09

Маматжан уулу Мелис
Ош мамлекеттик университети,
Ош шаары, Кыргыз Республикасы,
аспирант.

**ЭГЕМЕНДҮҮЛҮК ЖЫЛДАРЫНДАГЫ ЖАШТАР ЖАНА МИГРАНТТАР
ПОЭЗИЯСЫНА САРЕСЕП**

Маматжан уулу Мелис
Ошский государственный университет,
город Ош, Кыргызская Республика,
аспирант.

ОБЗОР ПОЭЗИИ МОЛОДЕЖИ И МИГРАНТОВ В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Mamatzhan uulu Melis
Osh State University,
Osh, Kyrgyz Republic,
postgraduate student.

**AN OVERVIEW OF THE POETRY OF YOUTH AND MIGRANTS IN
THE YEARS OF INDEPENDENCE**

[DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106.511](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2024.1.106.511)

Макалада поэзия дүйнөсүнө сүнгүп кирип, ыр куроо, уйкаштык, мазмун, идея жактан төп келген ырларды жаратуу, поэзиядан өз ордун табууга аракет кылган жаш акындар тууралуу сөз болот. Ырды ыр кылган, терең ойго каныккан, философиялык мүнөздөгү ырлары менен кыргыз поэзиясынын жээгин ачып, жаңы образдар менен байыткан А.Осмонов, О.Султанов, Т. Муханов, С.Турсунбаевдердин ырлары, эмгектери сыпатталды. Ошондой эле кыргыз поэзиясында жакшылык катары аян аркылуу жаралган ырлар жөнүндө айтылат. Белгилүү адабий сынчы К.Асаналиев, М. Жумаев, К. Даутовдун, Т. Аскарөвдун айткан сын-пикирлери анализденет.

Жыйынтыктап айтканда, жаш акындар М.Ахимкожоев, Т.Мамбеталиев, А.Исмаиловдун ырлары лирикалык каармандын ой жоругу, ички сезими, турмушка болгон мамилеси турмуш чындыгын сүрөттөп, кыргыз поэзиясына чоң салымын кошуп жаткандыгы талданат.

В статье рассматриваются молодые поэты, которые погрузились в мир поэзии и попытались найти свое место, создавая стихи, гармонирующие с поэтическими традициями, содержанием и идеями. Произведения А. Осмонова, О. Султанова, Т. Муханова и С. Турсунбаева, которые открыли новые горизонты кыргызской поэзии с глубокими философскими размышлениями, обогатили ее новыми образами. Также речь идет о стихотворениях кыргызской поэзии в качестве знаковых, созданных видением поэтов. Анализируются рецензии известных литературоведов К. Асаналиева, М. Джумаева, К. Даутова и Т. Аскарова.

В заключение следует отметить, что стихи молодых поэтов М. Ахимкожоева, Т. Мамбеталиева, А. Исмаилова описывают мысли, внутренние переживания, отношение к жизни лирического персонажа и вносят большой вклад в кыргызскую поэзию.

The article examines young poets who immersed themselves in the world of poetry and tried to find their place by creating poems in harmony with poetic traditions, content and ideas. The works of A. Osmonov, O. Sultanov, T. Mukhanov and S. Tursunbayev, which opened new horizons of Kyrgyz poetry with deep philosophical reflections, enriched it with new images. We are also talking about the poems of Kyrgyz poetry as iconic, created by the vision of the poets. The reviews of famous literary critics K. are analyzed. Asanalieva, M. Dzhumaeva, K. Dautova and T. Askarova.

In conclusion, it should be noted that the poems of young poets M. Akhimkozhoev, T. Mambetaliev, A. Ismailov describe thoughts, inner experiences, attitude to the life of a lyrical character and make a great contribution to Kyrgyz poetry.

Ачкыч сөздөр: поэзия, оригиналдуулук, постсоветтик доор, көркөм мурас, эмигрант, руханий турмуш, психологизм, улуттук адабият, уйкаштык, сентименталдуулук, медиаактивдүүлүк

Ключевые слова: поэзия, оригинальность, постсоветская эпоха, художественное наследие, эмиграция, духовная жизнь, психологизм, национальная литература, рифма, сентиментальность, медиаактивность.

Keywords: poetry, originality, post-Soviet era, artistic heritage, emigration, spiritual life, psychologism, national literature, rhyme, sentimentality, media activity.

Поэзия дүйнөсүнө чөмүлүү адамга жагымдуу сезим калтырып, ырдын темасына жараша турмушундагы болуп өткөн окуяларын эске салып, жүрөктү булкуп толкундоого чейин алып барат. Бирок баардык эле акын чыгарган ырлар окурмандарды өзүнө тарта бербейт. Бир куроо, уйкаштыгы, формасы бардыгы төп келип турса дагы идеясы, мазмуну жеңил-желпи болсо окурмандын жүрөгүн багындыра албасы бышык. Ошондуктан адабият дүйнөсүнө жаңы баш бакканда алгач акындар болобу, жазуучулар болобу өздөрүн ар тараптан сындап, өз стилдерин тапканга аракет кылышат. Ал эми стиль бул адамдарды бири-биринен айырмалап турган жекелик. Көп эмгекти талап кылган эмгек жемиштүү болгондой эле, акын качан гана чыгармачылыкта өз ордун таап, талкыпаган изденүү, жаңычылдык жаратуунун үстүндө иш алып барганда гана өсүүгө, өнүүгө, бийиктиктерди багытып, из калтырууга жетишет. Бул сөз менен айтып койгондой оңой-олтоң иш эмес. Кудай берген таланты бар адам көп окуп, көп изденип, терең ой айтууга жөндөмдүү болушу керек. Чыгармачылыкка оригиналдуулук өтө керек. Уйкаштык-ырдын кийими. Андыктан форма жагын дагы, уйкаштык жагын дагы көзөмөлгө алуу зарыл. Чыгармачылыкка баш баккандардын ичинен ушул жооптуу ишти жон териси менен тартып, ысык-суугуна чыдагандар гана калат. Эң негизгиси ырды ыр кылган, терең ойго каныккан, философиялык мүнөздөгү ырлары менен кыргыз поэзиясынын жээктерин ачып, жаңы образдар менен байыткандар болгон. Атай кетсек Алыкул Осмонов, О. Султанов, Т. Муканов, С. Тургунбаевдердин жана башкалардын поэзиялары бар. Бул адабият илиминин чети гана десек болот. Булардын жараткан эмгектери ар бир адамдын жүрөгүнөн орун алды. Бара-бара убакыт өткөн сайын коомчулуктун ичинен суурулуп, таланттары аркылуу адамдарды арбап, улам жаңы муун жарала берет. Замандын талабына жараша ырлар, чыгармалар жазылат. Мисалы: Алыкул Осмоновдун, Жоомарт Бөкөмбаевдин, Жусуп Турусбеков сыяктуу чыгаандардын Улуу Ата Мекендик согуш жөнүндө ырлары жазылган, кээ бири кан майданда жүрсө да ыр жазганды токтотушкан эмес. Демек, ыр акындар үчүн жан азык болуп эсептелет. Кыргыздын басып өткөн тарыхы болгон Улуу Уркүн тууралуу да кезинде көптөгөн эмгектер жаралган. Айтор, акындар үчүн бул урунттуу окуялар чыгармачылыгын жаңылоого түрткү болгон. Андан бери карай көз жүгүртсөк, эгемендүүлүккө жетишкен жылдары дагы акындардын тобу өз чыгармаларын жарыялап турган. Поэзияда акындар ар кайсы теманы колдонушат. Булар акындын тапкычтыгы, фантазиясы аркылуу ишке аша турчу нерсе. Бири-бирине окшошпогон ырдын мазмунун толук ачып бере турган теманы ойлоп табышат. Кээ бир акындар тема койбостон ыр жазышат. Бул дагы поэзиядагы чон философия. Анткени автор теманы окурмандарга коёт. Окурмандар ырды окуу аркылуу ой –жүгүртүп, демек, сөз бул жөнүндө

болуп жатыптыр, маселе мобунда турбайбы деп ойлонтуп өз алдынча ырга тема табууга түрткү берет. Бул дагы поэзиянын табышмактуу бир ойду камтыган бөлүгү. Мындай окуялар чыгармада дагы болот. Жазуучулар чыгарманын аягын бүтүрүшпөйт. Ал дагы окурмандарга калган нерсе болуп эсептелет. Ал жерде окурмандар чыгарманы өз ой-жүгүртүүсүнө жараша бүтүрүп алышат. Ырда теманын коюлбаганы окурмандардын кызыгуусун арттырат. Ал эми тема болгондо болжолдуу түрдө ыр эмне жөнүндө болоруна көзүбүз жетет.

Соңку мезгилдеги кыргыз адабияты тууралуу Кыргыз Республикасынын Баатырлары С.Эралиев кыргыз адабияты өнүкпөй дымып турат десе, С.Жусуев азыркы чыгармалардын көбү көчөнүн тили менен жазылып жатат дептир. Филология илимдеринин доктору А.Эгембердиева: “Жаңы заманга ыңгайлашуу кичинеден мүмкүн болду. Заман шартына көнгөндөн кийин мурдатан чыгармачылык кылып жүргөндөр баягы эле тема, стилинен алыстап жиберилген жок. М.Абылкасымова сыяктуу айрым гана акын аял заты эл баатырларын даңазалаган ыр, пьесаларды жаратышты... Поэзияда жаңы көрүнүш – аян аркылуу жазылган ырлар жаралды. Алардын авторлору өздөрүндөгү поэтикалык мүмкүнчүлүктү кудайга шылтап, абалтан болуп келген ыр пири деген түшүнүктүн жанына кудай түшүнүгүн алып келип, поэзия ээлигин көбөйтүштү. Өтө примитивдүү ырларды жазып, граждандык ырларга чыгармачылыгынан анчалык орун бербеген жаш адабий муундун өкүлдөрү кечээги кыргыз совет адабиятынан алган же алууга үлгүргөн азыноолак тажрыйбаларын XXI кылымдын болор, келер адабияты менен жалгаштырып, көпүрөлүк милдет аткарышты” дейт.

Ал эми эки доордун залкар сынчысы болгон (советтик жана постсоветтик) К.Асаналиев өзүнүн “Постсоветтик доор. Адабий тагдыр” аттуу макаласында: “Дүйнөнүн бир тарабын титиретип турган СССРдин кыйрашы аз сандуу элдер үчүн тоо көчүп, сел жүрүп кеткендей эле болду. Айрыкча, өзүн “дүйнөдөгү эң алдыңкы, эң демократиялуу” деп жарыялаган “көп улуттуу совет адабиятынын бир заматта бөлүнүп тарап кетиши, башкасын билбейм, кыргыз совет жазуучулары үчүн асмандагы күн биротоло батып кеткендей эле түн түштү да калды. Ошондогу кыргыз совет жазуучуларынын моралдык ал-абалы, духу, чыгармачылык психологиясы кандайдыр бир учурлары менен, албетте, бул салыштыруу оңтойсуз, ошондой болсо да, 1920-жылдары Россиядан сүрүлүп, Батыш Европага эмиграцияга кеткен И.Бунин, Г.Иванов, Д.Мережковский, В.Набоков, М.Цветаева ж.б.у.с. эң көрүнүктүү орус жазуучуларынын тагдырына үндөшүп, окшошуп кеткен сыяктуу. Аттанган орус жазуучулары бир заматта башка түшкөн оокат-тиричиликтин көр азабын айтпай эле коёлу, туруктуу түрдө үзүлбөй жарыкка чыгып турган басма сөздөн, журнал, газеталардан биротоло айрылып, кол үзүп, башка

элде, башка жерде эмнеден баштарын билбей отуруп калышыптыр. Бул чыгармачылык иштин “чарбачылык”, “өндүрүштүк” жагы гана. Орус жазуучуларынын алдында мындан алда канча татаал чыгармачылык иштин түздөн-түз ички проблемасы келип чыкты.

Кантсе да алардын артында Пушкин менен Гоголь, Толстой менен Достоевский, Тургенев менен Чехов ж.б. улуу мурасы “тиреп” турган. Эмне кылуу керек, “өз мамлекети” жок жерде кайрадан жаңы адабиятты баштоо керекпи, же улуу көрөм мурасты улантуу, андан ары жаңы кырдаалдарда өнүктүрүү туура болобу, же болбосо дегеле башка, мурда тааныш эмес маданиятка өтүп кетүү керекпи. Маселенин маңызы дал ушунда болчу. Кийин ар түрдүү олку-солкулуктар, талаш-тартыштардын негизинде куугунтукта калган орус жазуучулары ушул ар башка багыттарды бирдей кеңири өздөштүрүп, Советтер Союзундагы орус совет адабиятына альтернативдүү, көп жагынан карама-каршы орустун эмигранттык чоң адабиятын жаратканы тарыхтан белгилүү...” –деп, орус адабиятынын жана кыргыз адабиятынын советтик доордогу жаралыш, өнүгүш жагдайларына, совет өкүмөтүнүн адабият үчүн көргөн камкордугуна, анын оң-терс жактарына ой жүгүртүп, сереп сала келип, “көнүмүш шартынан” ажыраган кыргыз жазуучулары эми мурдагы көнүмүш боюнча иштей алышпай калгандыгын белгилейт да, кыргыз адабияты өнүкпөй, дымып калды дегендерге макул эместей рыноктун татаал шартында, “китепке кызыгуу баягыдай болбой, ансыз да ориентациясын, багытын таппай жоготуп турган учурда, көркөм адабиятынын кайра жанданып “өркүндөй” башташы, бул чыны менен таң каларлыктай көрүнүш” деп жазат. Залкар сынчынын туюмунда аталган нерселер “постсоветтик кыргыз адабиятынын кыймыл-аракетин, тынымсыз, үзгүлтүксүз келаткан процессинин ачык-айкын далили, бекемдиги артып, “аргументациясы” болгону менен, маселенин төркүнү, маңызы мында турат, “өлгөн” адабият кайрадан кантип “тириле” баштады, ал өткөндүн адабий тажрыйбаларын карандай кайталаган “совет адабиятынын анчейин уландысыбы, же түп-тамыры менен өзгөргөн социалдык-коомдук турмушка тиешелүү түрдө көркөм процессти кандайдыр бир жаңы сапаттык белгилер менен байытып, кубултуп жатабы, а эгерде чын эле жаңы адабият жаралып жаткан болсо, анда ал эмнеси менен жаңы, өткөндөн кийин касиеттери менен (тематикалык, проблематикалык, жанрдык, стилистик, формалык) айырмаланат, сөз түйүнү ушунда” [1].

К.Асаналиев кырынан койгон бул маселелер алиге айрым гана макалаларды айтпаганда, кыргыз адабиятчы-сынчылары тарабынан колго алынбай, бузулбаган дың боюнча турат. Улуттук адабияттын чыгармачыл өкүлдөрүнүн чыгармачылыгын, алардын кыргыз адабиятына кошкон салымын, стилин, чеберчилигин изилдөө дайыма актуалдуу болуп келет. Өзгөчө, ошол чыгармачыл инсандын

проза жанрында болобу, поэзия жанрында болобу, айтор, өзүнүн өзгөчөлүгүн таап изилдөө ары кызыктуу да, ары татаал.

Адабиятчы М.Жумаевдин оюна караганда, кыргыз сүрөткерлери үчүн өткөөл жылдарда эки жактуу оор абал түзүлдү; бир жагынан, мурда таптакыр билбеген жаңы тематикалык, идеялык, эстетикалык горизонттор ачылса, экинчи жагынан, баштагы системанын талабында жазылган чыгармалардын көркөм структурасындагы баалуулуктардын көпчүлүгү кунарсызданып, көркөм ойлоонун трафераттык жолунан чыгарып салды. Ачылган жаңы горизонттор ойду эзоптук тил менен берүүдөн куткарып, турмуш чындыгын бардык карама-каршылыгында, тарыхый – турмуштук катмарда бүткүл турпатында чагылтуусуна жол берди [2].

Бирок, кыргыз жаштар поэзиясына бир нерсе жетишпей турду-бул сынчы К.Даутовдун сөзү менен айтканда: “Эгерде поэзияда карала турган ашкере керектүү маселени бири ушул делсе, мындан дабаалуу көркөм адабияттын бардык түрлөрүнө өзөк тамыры менен өмүр салаасы болуп берчү “Улуу Сөз” кудурет маанисин туура тушунуп, туура колдоно билүү зарылдыгын сезүү кандай? “А куруучу болуш үчүн кирпичтин катуусунан да катуу эрк керек. Мына ошондо кирпич кырка тизилип, мына ошондо аалам карар көрк берет”,- деп бар түшүнүк жыйынтыгын чыгарып жатпайбы. Туура аныктама бердиби, түпкү мааниси бузулган жокпу? Мында “аалам карар көрк берчү” таң каларлык кооз имараттар менен атайын бөлүнүп курулган маданий-административдик жайларды кирпич койчу жумушчу жаратпайт. Аал кара жумушун гана аткарат. “Катуу эрк” деле кетпейт. Андай оригиналдуу кооз курулуштардын проектисин архитектура тармагы боюнча эстетикалык терең билими бар профессионал адис гана түзө алат. Дагы кайталап айтайын, ага бекем чыдамдуу кара күч эмес, акыл күчү, табигый талант, ойлоп тапкычтык, практикалык чоң тажрыйба керек. Буларга кошумча жана бир талап: жаш акынды сөз менен иштөө, сөз байлыгын өстүрүү муктаждыгы дагы эле күтүп турат. Ырларынын ичинен өздүк МЕНИ көрүнө элек.” [3].

Белгилүү сынчы көркөмдөп, кооз салыштыруу менен, ылайыктуу мисалды келтирүү менен акындар кандай болушу керек экендигин абдан сонун айтып берген. Ооба, акын өз ишинин профессионалы болуш керек, мына ушуну жаш акындар сезип-туйганда кыргыз адабияты мындай кыйынчылыкка кептелбейт эле.

Поэзиянын азыркы абалы тууралуу белгилүү адабиятчы, философ Т.Аскарвдун мындай деп айтканы бар экен: “Азыр поэзияны эч ким окубай калды, андыктан мен ыр жазганды таштадым”,- деп атактуу казак акыны Олжас Сулеймановдун айтканы эске түшөт. Албетте, бул –азыркы доордун, руханий турмуштун кейиштүү бир көрүнүшү. Бирок биз жашаган, бизди курчап турган дүйнөнүн миң кубулган белгилери, сапаттары бар эмеспи” [4]. Аскарв айткандай, башка элдерде поэзия көп

жазылбай калгандыр, бирок кыргыз элинде поэзия сандык жактан абдан эле өсүп жатат. Акындар катары күндөн-күнгө толукталып, ыр китептер жайнап эле чыгып жатат. Бирок, сапаты жагынан алдыга жылуу аракетинин жоктугунда болуп жатат окшойт.

Бирок ушундай болсо да кыргыз жаштар поэзиясы идеялык-тематикалык жактан изденүүнүн үстүндө бир топ аракеттер болгон экен, мисалы, “Манас” эпосуна кайрылуунун жаңы этабын башташкан С. Эралиев, Ш.Дүйшеевдердин катарына жаш акын деп атоого жаш өзгөчөлүгү туура келбеген, бирок, жаш акындар менен бирге чыккан Ж.Саалаев эпоско арнап “Арыбагы, Күн” аттуу публицистикалык поэмасын жазат. Поэмада “Манас” эпосунун доорундагы окуялар, эл тагдыры, баатырдык күрөштөр, улуттук баалуулуктар бүгүнкү күндөгү реалдуу окуялар менен жарыша сүрөттөгө алынат. Тарыхый факторлордун, окуялардын, турмуш процессиндеги ар түрдүү кырдаалдарда, ар башка мезгилдерде, бири-бирине окшобогон коомдук-социалдык, рухий ж.б. жагдайларда кайталаныш мыйзам ченемдүүлүгүн автор көп ойлонгон экен.

Ал эми М. Акимкожоев болсо “Сайрандап жүрүп...” деген ырында Манас баатырдын жортуулдарын, эрдиктерин өз деңгээлинде аңгемедүкөн куруп берет. Автор ырында эпостук мотив аркылуу өткөндү таанып билүүгө, бабалардын эрдик идеяларын даназалоого умтулат. Бирок, мындай аракет көп учурда “бутага” тийбей, чыгарма ийгиликтүү чыга бербей калган. “Манас” темасын өздөштүрүүдө чыгармачылык изденүү, тажрыйба жетишпей өксүп турат. Ошондуктан ырдын идеялык мааниси окурманга анчейин ишеним жарата албай көркөмдүк сапаты ортозаар деңгээлде ишке ашкан.

Жаш акын Т.Мамбеталиев “Элимдин кош канаты” деген ырында кыргызды дүйнөгө тааныткан Манас менен Чыңгыз –элдин духу, мекенге ак кызмат кылуунун үлгүсү деген ойду чагылтуу менен бул эки феномен кыргызды дүйнө жүзүнө тааныткан улуу баалуулук катары каралган. Жыйынтыктап айтканда, азыркы кыргыз поэзиясынын жаш өкүлдөрү байыркы улуу мурасыбызды таанып-билүү, үйрөнүү керектигин көтөрүп чыгышууда. Улуу муундагы акындарыбыз эпостун мотивине, каармандарына, манасчыларга көбүрөөк кайрылса, жаш акындарыбыз эпостогу адамзат баалуулуктарына, манасчылык өнөргө басым жасашкан.

“Манас” эпосуна кайрылуунун жаңы этабы болгон бул мезгилде кыргыздын жаш акындары залкар эпосузуга таянуу, андагы баатырдык сапаттарды лирикалык каармандарына ширетүү,

сап куроодо уйкаштыкка салуу ыкмаларын өздөштүргөндөй таасир калтырууда. Анткени, эпостун сюжетинен өзөк идея алуу, же болбосо элдик оозеки чыгармачылыктан сюжет алып, профессионалдык адабияттын жанрына салып чыгарма жазуу активдешкен. Мунун натыйжасында сюжетинде легенда орун алган көлөмдүү ырлар, поэмалар, поэма драма, поэма-легенда сыяктуулар көптөп жаралган. Улуу муундагы акындардан тартып, жаш акындар бул багытта бир топ чыгармаларды жаратышкан.

Кандай гана акын болбосун турмуштук позициясын, көрүп-билген окуяларынан чыгарган жыйынтык ойлорун, ойлоп табуусун, көркөм фантазиясын чыгармачылыкка тиешелүү болгон ыкма катары колдонот. Бүгүнкү күндөгү кыргыз жаш акындары кайдыгерлик, “Манас” эпосуна кайрылуу, төкмөчүлүк, айтуучулук сыяктуу кубулуштарды чагылдыруунун үстүндө өнүгүп жаткандыгы белгилүү болду. Маселен, азыркы жаш акындардын кээ бирлери кыргыз улуттук поэзиясы 70-жылдардагы кыргыз поэзиясында жогорку деңгээлге көтөрүлгөн “психологизмди” колдоно билгендиги, “аналитикалуулук”, “сентименталдуулук”, “медиаивдүүлүк” сыяктуу түшүнүктөр да аздап орун ала баштаган.

Азыркы кыргыз поэзиясынын дагы бир өкүлү Алтынбек Исмаилов дагы ушул багытта, жогорудагы акындар сыяктуу чыгармачылыгын идеялык-тематикалык жактан бирдей өңүттө улантып келатат. Мисалы, “Кусалык” деген ырында ички сезимин:

Түйүлүп түйдөк жиптей көкүрөгүм,
Түшүнбөйм эмнегедир өкүнөмүн
Көөдөндү кайра –кайра былчылдатып,
Кусалык, кыйнабачы өтүнөмүн?!

Жаралап жан дүйнөнү жышып турган,
Жармашып жан алгычтай кысып турган,
Желкеге минген ойлор жарга такап,
Жүрөгүм муздап барат ысып турган! –деп,
лирикалык каармандын ой жоорусу, ички сезими, турмушка болгон мамилеси аркылуу турмуш чындыгын, мүнөзүн ачып көрсөткөн.

Адабияттар:

1. Жаңы Ала-Тоо, №6 2010-ж.
2. Жумаев М. Жаңы мезгил жана адабият.-Б., Бийиктик, 2002.8-б.
3. Даутов К. Кандай акын оригиналдуу болот же Анатайдын ачылышы//Де-Факто, 2016-жыл, 4-март.11-б.
4. Аскарров Т. Поэзиянын күнү бүттүбү?// “Кыргыз маданият борбору” сайты, 2017, 15-апрель.

#09(106), 2024 часть 1
Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - А4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#09(106), 2024 part 1
Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Климек (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>